

Серия
«Антология мысли»

1863—1942

Д. М. Петрушевский

ВОССТАНИЕ УОТА ТАЙЛЕРА

**Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2021

УДК 93/94
ББК 63.3(4Вел)4
ПЗ1

Автор:

Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942) — историк-медиевист, академик АН СССР.

Петрушевский, Д. М.

ПЗ1 Восстание Уота Тайлера / Д. М. Петрушевский. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 506 с. — (Антология мысли). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-13393-6

Дмитрий Моисеевич Петрушевский — выдающийся историк-медиевист, академик АН СССР. «Восстание Уота Тайлера» стало одной из самых значительных его работ, признанной классикой отечественной науки. В 1904 году исследование Д. М. Петрушевского получило одну из наиболее престижных премий Академии наук — большую премию митрополита Макария. В книге рассмотрены все этапы развития восстания 1831 года, дана детальная характеристика его организации и программы. Восстание как один из самых значимых этапов на пути перехода Англии от феодализма к капитализму рассмотрено в широком историческом контексте.

Публикуется по четвертому изданию 1937 года.

Для широкого круга читателей.

Издание имеет значительную историческую, художественную или иную культурную ценность и в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» под действие указанного Федерального закона не подпадает.

УДК 93/94
ББК 63.3(4Вел)4

Оглавление

Глава первая. Описание восстания 9

Начало восстания (Эссекс и Кент). Восставшие в Лондоне, свидание с королем на Майл-Энде и сцена на Смесфилде. Восстание в Сент-Албансе. Восстание в Бедфордшире. Восстание в Саффолке и в Норфолке. Восстание в Кембриджском графстве. Восстание в Хентингдонском графстве. Восстание в Нортгемптонском графстве. Восстание в графстве Дерби. Восстание в Линкольншире. Восстание в Сомерсетшире. Восстание в Беркшире. Восстание в Хэмпшире, Дорсетшире, Уилтшире и Оксфордшире. Подавление восстания. Ликвидация восстания.

Глава вторая. Характеристика восстания со стороны его организации и программы 80

I. Постепенное возникновение и развитие программы и организации у жителей Эссекса и Кента после столкновения с королевскими комиссарами и со сборщиками поголовного налога. II. Причины появления инсургентов Эссекса и Кента в столице и роль Лондона в восстании 1381 г. III. Анализ майл-эндской программы в связи с данными источников о сцене на Смесфилде и констатирование отсутствия общей программы восставших: «Исповедь» Джека Строу и требования Уота Тайлера на Смесфилде, поскольку они освещают эту программу. Джон Болл и его проповедническая деятельность. Роль лоллардизма в восстании 1381 г. Радикальная программа и ее связь с реальной программой. Итоги и постановка вопроса для исследования восстания 1381 г. со стороны места его в хозяйственной и социальной истории средневековой Англии.

Глава третья. Характеристика основ мэнориального строя... 123

Общие замечания. I. Хозяйственный строй английского феодального поместья. II. Правовой строй английского феодального поместья. III. Генезис феодального поместья

в связи с общим процессом феодализации западноевропейских обществ. IV. Юридическая доктрина общего права о вилланах-сервах и ее влияние на хозяйственный и правовой строй английского феодального поместья. V. Проблема разложения мэнора.

Глава четвертая. Эволюция мэнориального строя до второй половины XIV в. 172

Общие замечания о развитии денежного хозяйства в средневековой Англии с англосаксонских времен, о его причинах и следствиях. I. Перевод натуральных повинностей вилланов на денежные платежи (коммутация) и возникновение класса наемных рабочих. II. Развитие самостоятельного барского хозяйства путем выделения его из общины, и путем захвата лордом мэнора общинных угодий (Мертонский и Второй Вестминстерский статуты). III. Развитие аренды на домене. Развитие междукрестьянской аренды. IV. Продажа и покупка земли среди вилланов. V. Итоги.

Глава пятая. Черная смерть и рабочее законодательство XIV в. 236

I. Хозяйственный строй и хозяйственная жизнь Англии накануне и после Черной смерти по данным рабочего законодательства и другим современным свидетельствам. II. Положение, созданное рабочим законодательством для всей рабочей массы страны. III. Антифеодальный, классовый народно-хозяйственный характер рабочего законодательства. IV. Реакционность теоретических предпосылок его и его жестокость. V. Не-феодальный характер нового прикрепления. VI. Вопрос о феодальной реакции второй половины XIV в. в научной литературе. VII. Данные источников о феодальной реакции XIV в. VIII. Возражения Пэджу и анализ петиции и статута первого года царствования Ричарда II (1377) о брожении среди вилланов и держащих вилланскую землю. IX. Лоллардское движение и феодальная реакция XIV в. X. Итоги о феодальной реакции. XI. Феодальная реакция и восстание 1381 г. XII. Рабочее законодательство и феодальная реакция второй половины XIV в. — основные причины восстания 1381 г. как явления хозяйственной и социальной истории средневековой Англии. XIII. Краткий очерк хозяйственной эволюции мэнора во второй половине XIV в.

Глава шестая. Экономическая эволюция и социальная борьба во второй половине XIV в. 278

I. Хозяйственный строй и хозяйственная жизнь Англии накануне и после Черной смерти по данным рабочего законодательства и другим современным свидетельствам. II. Положение, созданное рабочим законодательством для всей рабочей массы страны. III. Антифеодальный, классовый народно-хозяйственный характер рабочего законодательства. IV. Реакционность теоретических предпосылок его и его жестокость. V. Не-феодальный характер нового прикрепления. VI. Вопрос о феодальной реакции второй половины XIV в. в научной литературе. VII. Данные источников о феодальной реакции XIV в. VIII. Возражения Пэджу и анализ петиции и статута первого года царствования Ричарда II (1377) о брожении среди вилланов и держащих вилланскую землю. IX. Лоллардское движение и феодальная реакция XIV в. X. Итоги о феодальной реакции. XI. Феодальная реакция и восстание 1381 г. XII. Рабочее законодательство и феодальная реакция второй половины XIV в. — основные причины восстания 1381 г. как явления хозяйственной и социальной истории средневековой Англии. XIII. Краткий очерк хозяйственной эволюции мэнора во второй половине XIV в.

Итоги 350

Приложение. Краткий обзор источников для истории восстания 1381 г. 364

Общие замечания о документальном материале и о хрониках. Хроники сент-албанского аббатства и, в частности, *Chronicon Angliae* анонимного монаха. Фруассар и его *Хроники*. Хроника Генри Найтона. Приложение к Хронике мэмсберийского монаха (*Eulogium*). Джон Малвери и его Приложение к *Polychronicon Ranulphi Higden monachi cestrensis*. Хроника Уильяма Торна. *Денстеблские Анналы*. История жизни и царствования Ричарда II, короля Англии безымянного ивземского монаха. Рассказ о восстании Уолтера Тайлера и его смерти от руки Уильяма Уолворса, мэра. *Анналы и общая хроника Англии* Джона Стау. Анонимная хроника, принадлежащая аббатству св. Марии в Йорке. Легенда об оскорблении сборщиком поголовного налога дочери кровельщика Джона как о поводе к восстанию 1381 г. и ее анализ. Джон Гауэр и его *Vox Clamantis*. О восстании Джека Струу анонимного автора. Об убиении архиепископа Седбери анонимного

автора. *Книга о знаменитых Генрихах*, Джона Кэпгрэва.
Рассказ Джона Госфорда.

Примечания	382
Карта английских округов, более всего охваченных восстанием 1381 г.	506

Глава первая

ОПИСАНИЕ ВОССТАНИЯ

Семидесятые годы XIV столетия приближались к концу. Столетняя война, когда-то доставившая английскому оружию столько блестящих триумфов, превратилась в тяжкое бремя, истощавшее страну. Времена Кресси и Пуатье были уже далеким прошлым, английские войска терпели одно поражение за другим, и французские владения английского короля безостановочно сокращались. Одна экспедиция была неудачнее другой; но ни правительство, ни парламент и думать не хотели о мире с Францией и облагали народ все новыми и новыми налогами на военные нужды. Недовольство и раздражение все усиливались, тем более что военные неудачи шли рука об руку с неурядицами и злоупотреблениями во внутреннем управлении.

В ноябре 1380 г., в четвертый год царствования Ричарда II, парламент, заседавший в Нортгемптоне, разрешил королю поголовный налог (the Poll tax) на содержание войска, находившегося с графом Бекингэмом в Бретани и для защиты королевства, и для охраны его со стороны моря¹. Каждое светское лицо, как мужчина, так и женщина, не моложе пятнадцати лет, за исключением настоящих нищих, должно было внести три грота (т. е. шиллинг, так как грот равнялся 4 пенсам). Люди состоятельные (les suffisantz) могли при этом помогать людям менее состоятельным (les meindres); но платить больше шестидесяти гротов и меньше одного грота за себя и за жену не позволялось. Таким путем парламент рассчитывал собрать сто тысяч фунтов стерлингов. Две трети этой суммы должны были быть собраны к празднику св. Гилярия (13 января 1381 г.), остальная треть — к празднику Пятидесятницы (2 июня 1381 г.). Сборщиками налога и контролерами должны были явиться достаточные лица (suffisantz persones) как в сельских округах, так и в городах и местечках, не присутствовавшие в парламенте, разрешившем налог; они должны были принести присягу в том, что будут добросовестно и в согласии с законом исполнять возложенную на них обязанность².

За последние четыре года это уже был третий поголовный налог, и притом самый тяжелый, всею тяжестью ложившийся на самые несостоятельные классы английского общества. Налог 1377 г. брал с каждого плательщика лишь по одному гроту (4 пенса), а налог

1379 г. очень принимал во внимание платежные силы индивидуума и, беря с герцога Ланкастерского 6 ф. ст. 13 шилл. и 4 пенса, с рядового рабочего человека (*laborarius*) требовал не больше одного грота. Нельзя сказать, чтобы и поголовный налог, разрешенный правительству нортгемптонским парламентом, игнорировал имущественные различия плательщиков; но он принимал их во внимание в слишком общей форме, и в целом ряде бедных деревень и вовсе не оказывалось «достаточных» людей, которые могли бы облегчить платежное бремя менее «достаточных», и каждому из их жителей приходилось платить по целому шиллингу. В общем налог 1380 г. всей тяжестью лег на самые несостоятельные элементы английского общества, не говоря уже о том, что, как и предшествовавшие ему поголовные налоги, он, в отличие от налогов чисто феодального типа, падавших на землю и лишь через посредство связанной с землей социальной структуры соприкасавшихся с индивидуумом, ставил каждого индивидуума в непосредственное соприкосновение с агентами государственной власти и тем открывал перед этими последними возможность самого широкого произвола и злоупотребления.

Число сборщиков, назначенных для каждого графства, было невелико; но им был дан довольно многочисленный штат помощников (*subcollectores*), и кроме того им должны были помогать констебли деревень и мэры или бейлифы городов. В каждой деревне и в каждом городе они должны были выяснить число всех достигших пятнадцатилетнего возраста, собрать следуемую с них сумму налога и составить подробный отчет для государственного казначейства, заключающий в себе поименный список всех плательщиков, цифры внесенного каждым из них налога, а также общую цифру плательщиков и общую сумму внесенного ими налога.

Ко второй половине февраля 1381 г. сборщики закончили всю свою работу: составили списки подлежавшего налогу населения, собрали весь налог и, согласно постановлению нортгемптонского парламента, две трети собранных денег вместе с отчетами доставили в казну. Подсчет полученного сбора разочаровал и встревожил правительство: оно рассчитывало получить гораздо больше, опираясь на данные налоговых списков 1377 и 1379 гг. И было от чего прийти в изумление и беспокойство. Сравнительно с данными списков 1377 г. население Англии к началу 1381 г., если судить по спискам, полученным правительством теперь, оказалось уменьшившимся на целую треть. В каждом графстве число жителей, которые должны были платить поголовный налог, было показано в поразительно малых цифрах. А между тем за последние пять лет Англия ни разу не страдала ни от чумы, ни от голода, ни от вражеского нашествия³. Все это показалось правительству крайне подозрительным, и оно решило немедленно принять меры для разъяснения дела и для ответствующего пополнения собранной суммы.

16 марта 1381 г. от имени короля был разослан по графствам приказ, в котором король сообщал как о вполне установленном факте («*satis patet per veras et notabiles evidencias*»), что сборщики поголовного налога в три грота, разрешенного на нортгемптонском парламенте магнатами и общинами королевства, щадя многих лиц каждого данного графства («*parcentes pluribus personis dicti comitatus*»), одних не внесли в списки преднамеренно, а других по небрежности или покровительству им («*quasdam voluntarie et quasdam negligentem vel favorabiliter omiserunt*»), благодаря чему большая часть этой субсидии в каждом данном графстве вследствие небрежности и упущения сборщиков была укрыта от короля («*sic quod magna pars ejusdem subsidii in comitatu predicto per negligentiam et defectum ipsorum Taxatorum et Collectorum a nobis est cancellata et detenta*»), и назначал в каждом графстве комиссию из нескольких лиц, которые должны объехать каждое данное графство и проверить податные списки, представленные в Палату шахматной доски сборщиками поголовного налога в три грота, путем тщательного выяснения численности населения каждого города и деревни в пределах каждого данного графства и взыскать налог со всех уклонившихся от него с правом всякого, кто вздумает противиться их требованиям, арестовывать и заключать в тюрьму⁴.

Комиссии деятельно принялись за выполнение данного им поручения. Подозрения правительства нашло полное подтверждение. Окончательно выяснилось, что население действительно спасалось от налогового бремени, уменьшая на целую треть цифру своей действительной численности и, при содействии или, по крайней мере, при попустительстве сборщиков, констеблей и бейлифов или мэров, составляя заведомо неполные податные списки. Оказалось, что, например, в графстве Норфолк не попало в списки около 8000 человек, а в графстве Суффолк в течение нескольких недель было обнаружено комиссией не больше не меньше как 13 000 уклонившихся от уплаты гротов прежним сборщикам⁵.

Современные хроникеры согласно отмечают жестокость и даже бесчеловечие, с каким комиссары производили расследование и взимали недоимки, утверждая, что они чинили народу многие утеснения и обиды («*populum inhumaniter pro hujusmodi pecunia levanda tractantes, eis que plures injurias et molestias inferentes*»)⁶, не щадя даже девичьей чести⁷. Раздражение в народе все росло, тем более что на комиссаров он смотрел как на сборщиков нового налога, к тому же не разрешенного никаким парламентом, и приписывал появление их нечистым махинациям каких-то придворных дельцов, внушивших правительству мысль, что его обманули при сборе разрешенных ему гротов и что необходимо произвести расследование, и рассчитывавших сделать на этом хорошую аферу⁸. Не предвидя конца все новым и новым налогам и не будучи больше

в состоянии выносить их бремя, народ, по словам современных хроникеров, стал думать об организованном сопротивлении⁹.

Мысль эта впервые получила осуществление в Эссексе. В этом сходятся как летописные известия, так и судебные протоколы, взаимно дополняющие друг друга. Пунктом, где произошла первая вспышка, и те, и другие называют Брентвуд (Brentwood). Здесь в конце мая 1381 г. производил расследование о сборе гротов посланный сюда комиссар Томас Бэмpton (Bampton).

«Он велел собрать к себе жителей соседней рыбацкой деревушки Фоббинг (Fobbing). Среди них был хлебник Томас, который был одним из сборщиков поголовного налога в этой местности. Хлебник сказал своим односельчанам: “Им недостаточно того, что уже было собрано; они пришли собирать новый налог. Если бы меня поддерживали, я бы дал им отпор”»¹⁰.

Мысль Томаса встретила сочувствие. Жители Фоббинга заявили Бэмptonу, что они не станут платить ни одним пенни больше того, что они уже прежде заплатили сборщикам. Бэмpton стал грозить крестьянам жестокой расправой. Тогда к жителям Фоббинга присоединились жители соседних деревенок Керрингэм (Curringham) и Сэмфорд (Samford), справедливо видя в деле фоббингцев и свое собственное дело, вступили в соглашение между собой и, вооружившись луками и стрелами, явились к Бэмptonу и дали ему категорический ответ, что они не только не будут платить денег, которые он с них требует, но и вовсе не желают иметь с ним дела. Бэмpton имел неблагоразумие пригрозить им арестом и тюремным заключением и принужден был со всеми своими помощниками поспешно бежать в Лондон, спасая свою жизнь от рук раздраженного народа¹¹. Это произошло в последних числах мая 1381 г.

Движение стало быстро распространяться. Организация, возникшая впервые в Фоббинге, а затем включившая в себя жителей Керрингэма и Сэмфорда, все больше и больше расширялась. Жители названных деревень разослали своих людей в соседние села, прося у них помощи и совета, приглашая их присоединиться к ним для защиты общего дела. Вновь присоединившиеся к союзу деревни посылали к своим соседям, и восстание захватывало все больший и больший район¹².

Получив известие о беспорядках, правительство послало в Эссекс судебную комиссию с сэром Робертом Белкнэпом (Belknap), главным судьей Суда общих тяжб, во главе. Комиссия приступила к разбирательству. С помощью присяжных ей удалось узнать имена лиц, участвовавших в беспорядках. Оставалось арестовать обвиненных. Но тут Белкнэпу пришлось убедиться, что он имеет дело не с обычным в его судебной практике инцидентом. К нему явилась толпа народа, обозвала его изменником королю и королевству, заставила его поклясться на библии, что он никогда больше не будет

участвовать в таких комиссиях, и потребовала, чтобы он объявил ей имена присяжных, составлявших списки обвиняемых. Присяжные, не успевшие скрыться, были немедленно обезглавлены, дома их были разрушены. Белкнэп едва спасся бегством. Восстание разгоралось. Чиновники Бэмптона попали в руки восставшим; им сняли головы и понесли на кольях¹³.

Силы восставших увеличивались. Если прежде они вербовали себе сторонников мирными средствами и под покровом тайны, то теперь тактика их совершенно изменилась. Они стали рассылать своих агентов во все концы Эссекского графства с требованием, чтобы все, вооружившись, чем кто может, являлись к ним, не медля; ослушникам грозили смертью, сожжением или разрушением домов и расхищением имущества¹⁴. Крестьяне бросали полевые работы, оставляли жен и усадьбы и спешили на зов восставших¹⁵. Скоро их собралось до пятидесяти тысяч человек¹⁶. Местные крупные сеньоры и другие значительные люди бежали в Лондон и в другие графства, ища спасения от рук восставших¹⁷. Пестрота вооружения крестьянского войска дала современным летописцам материал для сатирических выходов как в прозе, так и в стихах. «У одних (из крестьян) были только палки, у других — покрытые ржавчиной мечи, у некоторых — бердыши, а у иных — луки, ставшие от дыма желтее старой слоновой кости, и по одной стреле, в большинстве случаев с одним только пером; и (вот с таким оружием) они явились завоевывать королевство»¹⁸. Топоры, серпы, вилы и молоты служили им вместо шпга и мечей¹⁹. Восставшие разгромили дом эссекского шерифа Джона Сьюэла (Sewall) в Coggeshall'e и унесли более тысячи марок казенных денег²⁰. Финансовый чиновник (escheator) Джон Юэль (Ewell) поплатился жизнью, а дом его подвергся разграблению²¹. Отряды восставших переходили из одной местности в другую, нападали на усадьбы духовных и светских землевладельцев, уводили скот, уносили имущество и беспощадно жгли документы в виде протоколов поместных судов, описей крестьянских повинностей и других показателей крестьянской несвободы²². Так, они проникли в Coggeshall'ское и Stratford'ское аббатства, унесли отсюда разное имущество, а также *cartas, scripta et alia munimenta*, т. е. всякого рода юридические документы²³. Не избежали общей участи и поместья матери короля, вдовы Черного принца: и здесь, «к величайшему поношению нашему и соблазну» («*in nostri maximum vituperium et scandalum*»), как выражается король в своем патенте, восставшие разграбили, разрушили и сожгли дома, а также предали пламени *libros, rotulos, cartas, scripta et alia munimenta*²⁴. В особенности много народа явилось к поместью магистральеров (иерусалимского ордена иоаннитов) Cressyngtemple, или просто Cressyng (Крессинг) близ Лондона. Здесь, по словам хроники, был собран большой запас съестного и всего необходимого для главно-

го капитула ордена, а также большое количество прекрасных материй, сукон из Арраса, вин и иных предметов для братии рыцарей. Толпа ворвалась в усадьбу, съела всю провизию, выпила три бочки вина, разграбила и разгромила поместье, причинив ордену большой урон²⁵. Разгром этот происходил в понедельник после Троицы, 10 июня. В нем принимал участие и один из представителей местной администрации, бейлиф Ганингфилдской сотни; он явился сюда во главе жителей трех поселков, составлявших названную сотню, которых, по словам обвинительных присяжных, он повел на Крессинг будто бы «вопреки их желанию»²⁶. Этот бейлиф был одним из главных вождей и организаторов эссекского восстания после того, как оно из Брентвуда распространилось по всему Эссексу. Из документов мы узнаем, что он послал своего слугу к мировым судьям Эссекского графства с приказом под страхом смерти явиться с восходом солнца в приходскую церковь села Magna Badewe, где они встретят самого бейлифа во главе местного ополчения и вместе с ним пойдут на графа Бекингэма и других, чтобы перебить их и сжечь их дома. В назначенный день бейлиф собрал крестьян из пяти селений, прилегавших к лесу в Ретингдоне, и заставил их поклясться, что они «пойдут войной на короля»²⁷.

Постепенно отдельные отряды восставших присоединялись к основному ядру, и вся многотысячная масса двинулась к столице, громя и сжигая по дороге усадьбы судей, адвокатов, присяжных, представителей администрации, самих владельцев предавая смерти или заставляя присоединяться к восстанию.

Таковыми чертами рисуется нам эссекское движение, возникшее из сопротивления сборщикам поголовного налога и превратившееся в восстание народной массы против представителей королевского суда и администрации и против крепостного права.

Движение очень скоро перешло границы Эссекского графства. Летописцы сообщают нам, что эссексы, начав восстание, разослали своих посланцев в Кент, Суффолк и Норфолк, приглашая жителей этих графств восстать вместе с ними, чтобы соединенными силами добыть свободу и «изменить худые обычаи в королевстве»²⁸. Первым известным нам пунктом, в котором эссексам удалось поднять жителей Кента, было кентское селение Erith, в близком расстоянии от Эссекса. Erith можно с полным основанием назвать передаточным пунктом движения: таким он является в хрониках²⁹, таким рисуют его и документы. Из протоколов судебной комиссии, разъезжавшей по Кентскому графству после подавления восстания, мы узнаем, что некий Абель Кер (Abel Ker) из Erith'a вместе с Джоном Эйлуордом (Eylward) из Erith'a, Ричардом atte Frythe из Lessness'a и сапожником Джоном Йангом (Yonge) из Erith'a, «согласившись между собой, предательски восстали против короля и его народа» и, собрав толпу, в воскресенье, 2 июня, отправились в аббатство в Lessness (в сосед-

стве с Erith'ом) и заставили аббата этой обители дать клятвенное обещание быть с ними заодно³⁰. На другой день (в понедельник, 3 июня) Кер и его сообщники (кроме упомянутых трех человек, названо еще несколько человек из Erith'a и из соседних мест) Темзой переправились в Эссекс, а на следующий день (вторник, 4 июня) вернулись обратно в пределы Кентского графства вместе с отрядом эссекцев человек в сто и более, с ними двинулись к Дартфорду и подняли очень многих жителей этого города³¹. Восстание произошло здесь в среду (5 июня). Толпа напала на дом Томаса de Shardelowe, главного коронера Кентского графства, захватила все хранившиеся у него казенные документы и сожгла их на городской площади³².

Восстание в Кенте напоминает ряд вспыхивающих в разных местах огоньков, которые постепенно сливаются в одно большое пламя, неудержимо разливающееся на все большее и большее пространство. Раз дан был толчок из Эссекса, не было надобности в особых поводах для того, чтобы отдельные огоньки вспыхнули почти одновременно. Тем не менее летописное предание сохранило нам рассказ о самостоятельном поводе, вызвавшем восстание в Кентском графстве, и даже не один рассказ, а целых два. Один из них, именно весьма популярный рассказ об оскорблении сборщиком поголовного налога дочери некоего кровельщика (tyler), мы считаем легендой и о ней ведем речь в другом месте*; другой более похож на правду, и мы его приведем здесь.

Один из королевских придворных, рыцарь Симон Берли (Burley) в сопровождении двух королевских сержантов (serjeants at-arms) в понедельник, 3 июня, явился в Гревсенд (Gravesend) в Кентском графстве и потребовал, чтобы ему выдали одного из жителей города, которого он называл своим вилланом. Горожане стали просить рыцаря, чтобы он не настаивал на своем требовании, и предложили ему выкуп за виллана. Берли согласился на просьбу гревсендцев, но потребовал за освобождение виллана триста фунтов серебра. По-видимому, горожане дать такую сумму не нашли возможным, и виллан по приказанию Берли был арестован и отправлен в Рочестерский замок. Инцидент этот, весьма обычный в прежнее время, на этот раз произвел взрыв в наэлектризованной атмосфере. Жители Кента стали подниматься. Для расследования беспорядков король отправил в Кент судебную комиссию, которая должна была заседать в Кентербери. Но заседать комиссии не пришлось, она встретила энергичный отпор со стороны населения Кентского графства, заставивший судей поскорее вернуться в Лондон³³.

Город Дартфорд сделался на время центром, куда направлялись отдельные элементы кентского восстания. Здесь произошло сове-

* В первой части первого издания (1897 г.) этой нашей работы, стр. 141—149. См. также *Приложение*.

щение у восставших, и они постановили, что никто из живущих в двенадцати милях от моря не может присоединиться к восставшим, но должен оставаться на месте и охранять берег от неприятелей. В стране, было заявлено на совещании, в настоящее время не один король, а несколько; этого нельзя допускать: никакого другого короля, кроме короля Ричарда, они иметь не желают³⁴. Из Дартфорда восставшие двинулись по направлению к Кентербери. В пятницу, 7 июля, мы находим восставших кентцев в Мэдстоне (Maidstone). Здесь они разрушили и сожгли дом Уильяма Topclyve'a и унесли найденного в нем разного имущества на тысячу марок³⁵, а также убили некоего Джона Стонгелда (Stonhelde)³⁶. В тот же день они явились в Рочестер и здесь встретили большую толпу эссексцев. Вместе с ними они осадили Рочестерский замок и, хотя встретили сильное сопротивление со стороны гарнизона, во главе которого стоял сэр Джон Ньютон, взяли замок, освободили заключенных в нем и прежде всего гревзендского жителя, отправленного сюда сэром Симоном Берли³⁷. По мере движения к Кентербери силы восставших увеличивались: к ним присоединялись жители тех сотен и сел, через которые они проходили. Нередко они направляли восставших на тот или иной дом, на то или иное поместье, и те производили здесь разгром. Так, в сотне Чатемской в воскресенье, 9 июня, восставшие, руководимые некими Томасом Бергстедом (Berghstede) и Робертом Претом (Prat) из села Джиллингема (Gillingham), напали на усадьбу одного из обвинительных присяжных, некоего Томаса de Vedemanton в Джиллингеме, ворвались в его дом и захватили всякого рода документы («cartas, scripta et diversa memoranda»), а также разные другие вещи на сумму сто фунтов³⁸. Эти Томас и Роберт были инициаторами восстания в Чатемской и Джиллингемской сотнях³⁹. В понедельник, 10 июня, навстречу инсургентам вышли жители Фэверзема (Faversham) под предводительством портного Джона Гарденера и повели их на дома некоторых из жителей Престона⁴⁰. Восставшие не всегда ограничивались разгромом домов и усадеб ненавистных им лиц. Судебные протоколы сообщают нам о том, как некий Томас atte Raven из Рочестера вместе с другими схватил рыцарей Томаса Трайвета (Tryvet), Томаса Кобгэма (de Cobeham), Джона Френнингэма (Frennyngham), Якова Пекхэма (de Pekham) и многих других из Кентского графства и подверг их заключению, чтобы заставить их дать клятву, что они присоединятся к их сообществу⁴¹. Инсургенты останавливали всех богомольцев, шедших из разных концов Англии в Кентербери, чтобы поклониться гробу Фомы Бекета, или возвращавшихся уже домой, и заставляли их давать им клятву, что они будут хранить верность королю Ричарду и общинам, не станут признавать королем никакого Джона, явятся к ним по первому требованию, привлекут на свою сторону своих соседей и никогда не допустят, чтобы в королевстве

взимался какой-либо иной налог, кроме пятнадцатой деньги («*nisi quintaedecimae*»), которую только и знали их отцы и деды⁴².

В понедельник, 10 июня, стали подниматься жители сотен Бленгетской (Blengate), Тенгэмской (Tenham), Уингэмской (Winggham), Кингэмфордской (Kynghamford), Кренбрукской (Cranebrook), Тендерденской (Tenderden) и Лонгбриджской (Longbridge). Жителей Бленгетской сотни поднял косец (*towere*) Джон Leuesnoth. Крестьяне Тенгэмской сотни с неким Ричардом Frere из Милтонской сотни ворвались в тенгэмскую усадьбу, захватили найденные здесь документы, именно протоколы вотчинных судов (*rotulos curiae*) и ренты (*rentalia*), а также другие документы и предали их сожжению. Кингэмфордцев поднял некто Ричард de Denne, который явился агитатором и в других селах («*fecit proclamation mede villa in villain*»). Жители Кренбрука (Cranebrook) вместе с жителями Тендердена, которых возмутил некто Джон de Beaghedenn из Кренбрука, отправились в селение Аппелдор (Appledore) и вместе с жителями этого последнего произвели здесь разгром домов Уильяма Хорна (Horne) и Уильяма Blosme, по-видимому местных сеньоров, предварительно разгромив дома этих же лиц в Тендердене. Организатором восстания в Аппелдоре явился некто Уильям (Willelmus de Apoldre), который на другой день после разгрома увел с собой некоторых аппелдорцев, заставив их присягнуть общему делу («*et eos jurare compulsif ad eundum in comitiva sua*»). Во вторник, 11 июня, кренбрукские инсургенты под предводительством плотника Джона Финча (Funch) вместе с некоторыми из Тендердена сделали нападение на усадьбу приходского священника в Степлхерсте (Staplehurst). В тот же день жители Лонгбриджской сотни напали на усадьбу финансового чиновника Джона Брода (Brode) в Mersham'e и истребили найденные здесь податные списки («*et Rotulos escaetorie domini Regis de... grosse domino Regi concessi dum predictus Johannes fuit escaetor felonice fregerunt*»), на следующий день восстали и жители Mersham'a; их подняли односельчане Уолтер Мэтью (Mathewe) и Джон Sauere и повели на соединение с инсургентами из других мест⁴³.

Сильно увеличившаяся вследствие присоединения к ней отрядов из названных местностей главная масса кентцев с Уотом Тайлером из Эссекса (Walter Tegheler de Essex), которого, по словам анонимного хроникера, они сделали своим вождем и руководителем («*fieront leur chieftaine... pur les meinteuner et conceller*»), Джоном Хелзом из Mallyng'a (Johannes Halis de Mallynge) и Уильямом Хоукером (Willelmus Hauker) в тот же понедельник, 10 июня, вступила в Кентербери⁴⁴. Фруассар утверждает, что кентерберийцы очень обрадовались их приходу⁴⁵. Немедленно восставшие сделали нападение на Кентерберийский замок и освободили заключенных в нем лиц. Живший в Кентербери шериф Кентского графства Уильям Септванц (Septwantz) под угрозой смерти должен был принести им

клятву верности («eis jurare fecerunt») и выдать им все хранившиеся у него документы, «libros videlicet rotulos placitorum Comitatus et Corone domini Regis et brevia quecumque domini Regis sub custodia ipsius vicescomitis existentia», которые в тот же день были сожжены на городской площади⁴⁶. Толпа ворвалась в помещение городского управления (pretorium), освободила лиц, сидевших здесь в заключении⁴⁷, и заставила мэра, бейлифов и кентерберийских горожан дать клятву верности королю Ричарду и верным общинам Англии⁴⁸. Дома некоторых из горожан подверглись разгрому, и в числе их дома коронера Уильяма Медменгэма (Medmendham) и рыцарей Ричарда de Ноо и Томаса Фога (Fog), а также Роберта Шермана (Scherman); в доме этого последнего толпа разбила ящики, в которых хранились разные документы, а самые документы унесла, взяв предварительно с владельца их выкуп в размере десяти марок⁴⁹. Трое горожан было убито по указанию самих кентерберийцев⁵⁰. Явившись в аббатство Фомы Кентерберийского (Фомы Бекета), резиденцию примаса Англии, восставшие ворвались во дворец архиепископа, достали бочки с вином, хранившиеся в его погребях, часть его выпили, а остальное разлили по полу; проникнув в покой архиепископа, они, по словам Фруассара, стали ломать и выбрасывать из комнат богатую обстановку примаса, заявляя, что они потребуют от архиепископа Симона Седбери (Sudbury), канцлера королевства, отчет в доходах Англии и в тех больших суммах, которые он собрал со времени коронации короля⁵¹. По словам анонимного хроникера, толпа в 4 тысячи человек вошла в собор, когда там шла обедня, и закричала монахам, чтобы они приготовились избрать нового архиепископа, потому что Симон Седбери — изменник и должен быть обезглавлен⁵². Не избежало разгрома и аббатство св. Винцента⁵³.

На другой день (вторник, 11 июня), присоединив к своему отряду многих из кентерберийцев⁵⁴, кентские инсургенты оставили город и двинулись по направлению к столице, «увлекая за собою всех жителей деревень направо и налево», «подобно буре, разрушая дома адвокатов и прокуроров королевского суда и суда архиепископа и никому не давая пощады»⁵⁵. По дороге они еще раз зашли в Мэдстон (вспомним, что в первый раз они были в Мэдстоне, отправляясь в Кентербери), разбили здесь тюрьму архиепископа Кентерберийского, освободили всех заключенных («против их воли», «contra voluntatem suam», прибавляет судебный протокол) и увлекли их за собой⁵⁶. В числе заключенных в архиепископской тюрьме находился, по словам Найтона, и капеллан сэр Джон Болл, знаменитый проповедник, пользовавшийся великой славой и уважением среди народа, который видел в нем пророка, бесстрашно обличавшего неправду сильных мира сего, как светских вельмож, так и в особенности духовных сановников, официальных охранителей «божьего закона» (Goddislowe) на земле; по распоряжению

архиепископа Кентерберийского он неоднократно подвергался проклятию во всех церквях королевства Англии, но не прекращал своих обличений и даже не щадил при этом самого верховного первосвященника, отзываясь о нем совершенно нестерпимым для благочестивых ушей образом («*sinistra et piis auribus detestanda*»); тогда при содействии королевской администрации он был схвачен и посажен в архиепископскую тюрьму в Мэдстоне; при этом, по словам сент-албанского монаха, он предсказал, что двадцать тысяч друзей освободят его из темницы⁵⁷. Болл немедленно стал одним из главных вождей восставших рядом с Уотом Тайлером, Джоном Хелзом и Уильямом Хоукером и своими пламенными речами воодушевлял народные толпы.

В среду, 12 июня, накануне праздника Тела Христова полчища восставших кентцев подошли к Блэкхиту (Blackheath), покрытой лесом возвышенности в трех милях от Лондона. По словам одних летописцев, здесь собралось их до 60 тысяч человек⁵⁸, по словам других — до ста тысяч⁵⁹. Перед ними развевались два больших знамени св. Георгия и сорок малых знамен. Здесь должно было произойти их свидание с королем. Король накануне из Уиндзора отправил к ним посланцев, чтобы узнать от них, из-за чего они восстали. Они отвечали, что поднялись они для того, чтобы спасти его и истребить изменников ему и его королевству («*que ilz loueront en salvacione de luy et pur destroye les traytors a luy et a la Roialme*»)⁶⁰; они жаловались на те тягости, какие терпит простой народ благодаря налогам и притеснениям знати⁶¹; по словам Фруассара, они уверяли короля в своей преданности и заявляли, что все, что они делают, они делают для него; в течение целого ряда лет, говорили они, королевством английским дурно управляли; от этого страдала честь королевства и много терпел простой народ; во всем этом виноваты дядья короля и духовенство, в особенности архиепископ Кентерберийский, канцлер королевства; у него они хотят потребовать отчета⁶². Король послал сказать им, что все, согласно их желанию, он исправит, что требует исправления в государстве, и согласился явиться к ним на следующий день на Блэкхит⁶³. В тот же вторник король поспешил вернуться в Лондон. Ему навстречу выехал лондонский мэр с группой более видных горожан и проводил его в Тауэр, куда вместе с ним укрылись его родственники, сановники и придворные. Но прежде чем следить за дальнейшими действиями главной массы кентских инсургентов, посмотрим, что происходило в это время в тех частях Кентского графства, которые до этого времени еще не были затронуты движением.

Еще во вторник, 11 июня, началось восстание в сотне Уай (Wye). Поднято оно было здесь жителями Лонгбриджской сотни, которые из Mersham'a (где, как мы видели, они в этот же вторник разгромили усадьбу королевского чиновника Джона Брода и истребили

хранившиеся у него податные свитки) явились в деревню Уилмингтон в приходе *Voston Уайской* сотни и, сделав нападение на дом некоего Джона Колбронда (*Colbrond*), взяли найденные в нем так называемые «свитки зеленого воска» («*rotuli viridae cerae*»), т. е. податные списки, и предали их сожжению. В числе нападавших судебный протокол называет полицейского чиновника, констебля Лонгбриджской сотни, некоего Томаса Стейхэма (*Steyham*); эта же толпа разорила и голубятню (*columbare*) Колбронда⁶⁴.

Восстание немедленно распространилось по сотне Уай. Организатором его явился местный сквайр (*armiger*) Бертрам де Уилмингтон (едва ли не землевладелец той самой деревни Уилмингтон, где, как мы только что видели, отряд из *Mersham*'а разгромил усадьбу Джона Колбронда). На следующий день (в среду, 12 июня) мы видим этого сквайра во главе отряда, производящего нападение на дом некоего Джона Лестера (*Laucestre*) в селении Уай (*Wye*); имущество Лестера было разграблено, а найденные при этом документы были брошены в огонь⁶⁵.

В четверг, 13 июня, в праздник Тела Христова, по повелению Бертрама («*per preceptum Bertrami de Wylmynton*»), некто Томас Джеркин (*Gerkyun*) сделал оповещение («*proclamacionem fecit*»), чтобы все жители сотни Уай вооружались, чем кто может, и шли в ополчение; оповещение это собрало большую толпу народа. О дальнейших действиях Бертрама нам ничего не говорят протоколы, а летописные источники и вовсе о нем не упоминают⁶⁶.

В сотне Петэмской (*Petham*) восстание началось во вторник, 11 июня. Вождями его явились некие Генри Алейн (*Aleyn*) младший и Джон Колин (*Colyn*), действовавшие здесь до первых чисел августа. 16 июня они сожгли в Петэме так называемый *custumale* Кентерберийского архиепископа, т. е. писцовую книгу архиепископа, в которой были записаны обычные повинности его держателей в Петэме⁶⁷.

Чрезвычайно интересные данные сообщают нам судебные протоколы о восстании жителей острова Танета (*Thanet*). В четверг, 13 июня, в праздник Тела Христова, в церкви св. Иоанна на острове Танете капеллан Уильям, служивший в этой церкви, вместе с сакристаном той же церкви Джоном Тейлором (*Tayllour*) и еще несколькими единомышленниками, «исполняя поручение Джона Рэкстроу и Уолтера Тайлера» («*pro commissione Johannis Rakestraw et Walteri Tegheler*»⁶⁸), сделали следующее оповещение: все и каждый из верных подданных короля («*chescun home lige a nre Sr le Roi*») под страхом смерти и конфискации имущества должны отправляться к дому коронера Уильяма Медменгэма (*Medmenham*), чтобы разрушить этот дом, взять и истребить все хранящиеся в нем документы, а самого Медменгэма предать смерти, если удастся его захватить. Немедленно собралась толпа человек в двести («*et patriam ibidem*

ad numerum ducentorum hominum levare cogerunt») и отправилась к названному дому. Двери дома были выломаны, разбиты и опустошены ящики со всяким добром, и унесены документы, относящиеся к должности коронера, а также податные списки Кентского графства за зеленой печатью; все эти документы были сожжены («etrotulos corone domini Regis tangent'et rotulos officii recepcionis Com' Kanc' de viridi cera ceperunt et felonice comburaverunt») ⁶⁹.

Те же лица и в той же церкви сделали и другое оповещение: никто из держащих землю не должен отбывать повинности и вносить обычные платежи, следуемые сеньорам; слушникам этого приказа грозит смерть и конфискация имущества ⁷⁰. Та же группа лиц организовала налог для борьбы с сеньорами на всем протяжении острова Танета («et ount ordeynes une taxacion estre paie pour maintenaunce de les ditz matieres encountre les Srs par tout lisle de Tent»); обложению почему-то не подлежали держатели кентерберийского приората и города Кентербери («forpris les tenauntz del Priorie dc Caunterbirs et la franchise de Caunterbirs»).

Вернемся на Блэкхит. Здесь в среду, 12 июня, накануне праздника Тела Христова, расположились, как мы видели, кентские инсургенты с Уотом Тайлером, Боллом и другими своими предводителями. Силы их увеличивались вновь прибывшими. По словам сент-албанского монаха, Джон Болл произнес перед толпой патетическую речь на текст двустихия: «Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто был дворянином?» («Whanne Adam dalfe and Eve span, who was thanne a gentil man?»)

Вначале, говорил Болл, все люди были равны: такими они вышли из рук природы. Впоследствии нечестивые люди стали несправедливо угнетать своих ближних, и явилось рабство, противное воле божьей: если бы богу угодно было создать рабов, он бы еще в начале мира определил, кому быть рабом и кому — господином. Настал назначенный богом час сбросить иго долговременного рабства и получить давно желанную свободу. Болл убеждал своих слушателей действовать мудро, уподобляясь доброму хозяину, вырывающему плевелы на ниве своей, чтобы они не заглушали пшеницы. Прежде всего они должны перебить всех магнатов королевства, затем истребить законовевов, судей и присяжных и в заключение стереть с лица земли всех тех, кто может принести вред общинам. Только когда у всех их будет одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть, только тогда они будут наслаждаться миром и безопасностью.

Речь эта произвела сильное впечатление на народ и вызвала одобрительные крики: «Болл один достоин носить архиепископский сан; пусть он будет архиепископом и канцлером королевства; нынешний архиепископ — изменник общинам и королевству; его нужно обезглавить!»

Лондонский мэр Уильям Уолуэрт, с согласия олддерменов и общины города Лондона, отправил к восставшим олддерменов Джона Хорна (Horn), Адама Карлайла (Carlylle) и Джона Фреша (Fresch), поручив им от имени короля и всего города сказать восставшим, чтобы они «не приближались к городу и не приводили в страх и замешательство короля и других сеньоров и сеньор, а также названный город, но чтобы во всем повиновались королю и оказывали ему должное уважение»⁷¹. Посольство это не имело успеха, на который рассчитывали. По словам обвинительного акта по делу о лондонских олддерменах, только что нами цитированного, посланные, вместо того чтобы уговорить вождей инсургентов оставить свои намерения, вступили с ними в соглашение. Джон Хорн, с согласия Карлайла, превысил свои полномочия. Отделившись от своих товарищей и приблизившись к тому месту, где толпа была расположена более густой массой («ubi spissius erant congregati»), он стал говорить вождям инсургентов «прелестные речи» (pulcris sermonibus), приглашая восставших в столицу, уверяя их, что население столицы с ними заодно, что их примут там самым дружеским образом, как отец сына, друг друга, и снабдят их съестными припасами и всем необходимым в неограниченном количестве⁷². Обещания эти произвели на восставших ободряющее действие («hillares devenerunt») и утвердили их в их намерениях, прибавляет судебный протокол⁷³.

В Тауэре решили, что королю следует отправиться на Блэкхит для свидания с восставшими. Было снаряжено несколько лодок. В одну из них вошел король со своим советом, в остальных разместилась его свита, и лодки поплыли по Темзе в направлении к Гриничу. Проезжая мимо королевского поместья Rotheritho (на правом берегу Темзы), они увидели огромную толпу народа. Это была часть инсургентов, спустившаяся с Блэкхита навстречу королю. С берега раздался приветственный крик нескольких тысяч человек; казалось, все дьяволы преисподней были в их компании, замечает французский летописец. Советники короля были поражены ужасом. Архиепископ (канцлер) и приор госпитальеров (казначей королевства) стали убеждать короля не высаживаться на берег к этим «босоногим разбойникам» («nequaquam adire tales discaligatios ribaldos»)⁷⁴: ему может угрожать великая опасность, если он попадет в руки возбужденной толпы. Лодки повернули и унесли короля и его свиту обратно к Тауэру. Отъезд короля привел кентцев в сильнейшее раздражение. С криками «Измена! Измена!» они быстро двинулись к Лондону и вступили в предместье столицы — Саутворк (Southwark)⁷⁵.

В тот же день десятки тысяч эссекских крестьян⁷⁶ подошли к Лондону с северо-восточной стороны и остановились в загородном месте Майл-Энд (Mile End), что возле ворот Олдгет⁷⁷.

Явившись в Саутворк, кентские инсургенты разгромили тюрьму Маршалси (Marhalsea), освободили всех заключенных и присоеди-

нили их к своей толпе. В разгроме этом принимали участие и жители графства Суррей, в пределах которого находился Саутворк; они поднялись с приходом кентцев; вместе с ними они разрушили дом Ричарда Имворта (Imworth), заведовавшего тюрьмой Маршалси, а также дома присяжных и стряпчих⁷⁸. В этот же день эссексы произвели нападение на загородный дворец архиепископа Кентерберийского в Ламбете (Lambeth). Все найденные во дворце книги, документы, географические карты (mapae), одежды и многие другие предметы, принадлежавшие примасу Англии, были брошены в огонь; толпа разбила бочки с вином, хранившиеся в погребе архиепископа, сколько могла, выпила из них, остальное разлила по полу; в заключение вся кухонная утварь во дворце была переколочена («singula coquinae vasa adinvicem collidentes fregerunt»), и с криками торжества народ оставил резиденцию архиепископа⁷⁹.

В ту же ночь в одной из комнат Тауэра архиепископ Симон Седбери (Sudbury) в присутствии некоторых магнатов, рыцарей и других придворных «по некоторым известным причинам» («quibusdam certis de causis») возвратил королю большую королевскую печать, которую он хранил у себя, пока занимал пост канцлера королевства⁸⁰.

Лондонский мэр Уильям Волворт (Walworth) с согласия городского совета приказал запереть все ворота столицы и издал повеление, чтобы все олдермены вооружились вместе с обывателями своих участков и сторожили ворота и другие выходы, не пуская в город инсургентов⁸¹. Распоряжение мэра не предотвратило, однако, сообщения между восставшими и столицей. По словам судебного протокола, в эту ночь олдермен Джон Хорн принимал у себя в доме многих из главных вождей восставших и в числе их Томаса Хоукера (Howker), Уильяма Ньюмана (Newman) и Джона Стерлинга (Sterlyng)⁸². Показания летописцев еще более определенного свойства. «Мэр лондонский и олдермены, — говорит сент-албанский монах, — боясь за город, постановили запереть ворота, но простонародье города, и в особенности беднейшие, сочувствуя крестьянам, воспрепятствовали мэру запереть ворота, употребив в отношении к нему силу и угрожая ему смертью, если он вздумает попытаться сделать это. Таким образом, всю эту ночь, т. е. канун праздника Тела Христова, негодяи пользовались свободным входом и выходом»⁸³.

Между тем в Тауэре еще не теряли надежды, что все может прийти к мирному окончанию. Утром следующего дня от короля и его совета был послан к восставшим некто Джон Блайтон с поручением уговорить народ не приближаться к столице («ut ad civitatem non arripinquant»). Блайтон добросовестно выполнил поручение, но успеха не имел⁸⁴. Судебный протокол, сообщающий нам об этом посольстве, объясняет неудачу его тем, что одновременно с Блайтоном к восставшим кентцам поехал олдермен Джон Хорн с совсем

иными целями: он повез им знамя с королевским гербом и должен был еще раз передать вождям их приглашение вести свои отряды в столицу, где они найдут полное сочувствие и содействие⁸⁵.

Как бы то ни было, только в то же утро (четверг, 13 июня, праздник Тела Христова) огромные толпы жителей Кентского графства вместе с жителями графства Суррей, с Уотом Тайлером, Джоном Боллом, Аланом Тредером (Thredere), Томасом Хоукером (Hawker), Джоном Стакпуллом (Stakpull), Робертом de la Warde и многими другими вождями во главе, с распущенными знаменами, подступили к Лондонскому мосту (London Bridge). Им не долго пришлось ждать пропуска. По словам *Анонимной хроники*, восставшие из графства Суррей под угрозой смерти потребовали от стражи, охранявшей мост, чтобы она спустила цепь, которой был загорожен вход на мост, и требование это было немедленно исполнено⁸⁶. Судебный протокол представляет дело несколько иначе: вход вовсе не был загражден, цепь вовсе не была натянута, и в этом виноват олдермен Уолтер Сайбил (Sybyle). По распоряжению мэра олдермен этот должен был охранять Лондонский мост, и он стоял здесь вооруженный с ног до головы; вместо того чтобы добросовестно исполнить свою обязанность, он не позволил запереть мост и отсылал от себя всех, кто приходил к нему на помощь, заявляя им, что кентцы — друзья их и короля и люди хорошие, что запирает от них ворота и делать им затруднения не следует⁸⁷; а когда ему сообщили, что восставшие разбили королевские тюрьмы, произвели целый ряд убийств и разрушили «некий дом» возле Лондонского моста, то он заявил на это, что это следовало сделать еще двадцать лет назад («dixit quod ex hoc dignum eat et dignum fuit everti per XX-ti annos elapsos») ⁸⁸.

Кентцы вступили в город. В то же время через северо-восточные ворота вошли в Лондон эссексы, стоявшие на Майл-Энде. По словам судебного протокола, их впустил олдермен Уильям Тонг (Tonge)⁸⁹. Немедленно к толпам восставших присоединились жители столицы, и с криками «К Савою! К Савою!»⁹⁰ тысячи народа устремились к дворцу герцога Ланкастерского на Стрэнде. На пути они встретили торжественную процессию, устроенную черным и белым духовенством столицы, чтобы молить бога о ниспослании мира⁹¹, но она не остановила их.

Летописцы один перед другим выхваляют изящество, великолепие и богатство Савоя и в один голос говорят, что ничего, подобного ему, не было тогда во всем английском королевстве⁹². Здесь были собраны несметные сокровища герцога как в монете, так и в золотой и серебряной посуде, в ювелирных вещах, украшенных драгоценными камнями, и в богатейшем гардеробе, лучше которого не было ни у одного из королей христианского мира⁹³. Дворец подожгли со всех сторон. Все эти богатства погибли. Все было изломано, изрублено, изорвано на мелкие куски, частью истерто в порошок

и брошено в Темзу и клоаки. Никто, под страхом смерти, не смел присваивать себе чего-нибудь из этих драгоценностей⁹⁴. «Тут можно было видеть вещь, неслышанную в наши времена (*nostris seculis inauditam*), — замечает современный летописец, — толпа крестьян, видя перед собой массу драгоценностей, не осмеливалась похищать их воровскими руками, и если кто был замечен в воровстве, того без суда и следствия предавали смерти»⁹⁵. Кто-то попытался было спрятать за пазуху кусок серебра, но сделал это неискусно, был пойман на месте преступления и брошен в огонь. «Мы ревнители правды и справедливости, а не воры и грабители», — такими словами, передает другой современник, напутствовали его его товарищи⁹⁶. Свою ненависть к герцогу Ланкастерскому восставшие проявили еще особым образом. В гардеробе герцога они нашли особенно драгоценное одеяние его, так называемый на языке того времени «джек» («*quoddam pretiosissimum vestimentum ipsius, quale Jakke vocamus*»). Вонзив в землю пику, они повесили на нее «джек» и стали стрелять в него из луков, затем сняли и изрубили в куски своими мечами и топорами⁹⁷. Той же участи не избежал бы и сам герцог, если бы он попался в руки толпе; но на свое счастье в этот момент он был далеко от Лондона: он находился на северной границе королевства и вел с шотландцами переговоры о мире.

Человек тридцать проникли в погреб герцога, разбили несколько бочек вина и стали пить его с песнями и шутками. Выйти вовремя из погреба они уже не были в состоянии и погибли все до одного⁹⁸. Автор *Анонимной хроники* сообщает дошедший до него слух, что инсургенты нашли во дворце три бочки с порохом и, думая, что они наполнены золотом или серебром, бросили их в огонь; произошел взрыв и довершил разрушение великолепного здания⁹⁹. Вместе с сокровищами герцога погибли и все хранившиеся во дворце его документы¹⁰⁰.

От Савоя толпа двинулась к Темплу. Это было помещение корпорации английских адвокатов и вместе с тем школа права, где готовляли молодых людей к адвокатской деятельности. Темпль принадлежал приору госпитальеров, которым был тогда Роберт де Гелз, занимавший также пост казначея королевства. Некоторые его здания толпа разрушила до основания, с других только сняла черепицу; ящики, в которых хранились книги и документы корпорации, были разломаны, а сами книги и документы были изрублены топорами и сожжены на улице¹⁰¹. Находившаяся недалеко от Темпла тюрьма Флит (*Fleet*) была разбита, и все заключенные в ней были выпущены на свободу. Восставшие разгромили и сожгли и многие дома по соседству с тюрьмой, обезобразив красивую улицу Флит-стрит (*Fleet street*)¹⁰². Разрушению и сожжению подвергались преимущественно дома присяжных (*jurati*), а сами присяжные, попав в руки толпе, немедленно предавались смерти; той же участи не избежали

и многие адвокаты¹⁰³. Источники сохранили нам несколько имен этих жертв народного негодования. Одного из стряпчих, Роджера Легата (или Леджета, Legat и Leget) — анонимный хроникер называет его *grand cisorer* и *quest mauger*, — толпа вытащила из церкви св. Мартина (Saint Martin le Grand), где он искал убежища в главном алтаре, повлекла на Чипсайд и здесь обезглавила¹⁰⁴, а дом его в приходе св. Андрея на Голборне разрушила и сожгла¹⁰⁵. Восставшие разбили тюрьму Ньюгет (Newgate) и Вестминстерскую тюрьму и выпустили всех узников¹⁰⁶, при этом, по словам мэмсберийского монаха, они взяли из Ньюгета железные цепи и отнесли в церковь францисканцев в нынешнем еврейском квартале *Minories*¹⁰⁷.

Летнее солнце клонилось к закату («*in sequente noctis crepusculo*»), когда толпа, совершив все только что описанное, двинулась к помещению рыцарей св. Иоанна (госпитальеров) в Клеркенуэлле (Clerkenwell). Убив оказавших ей сопротивление клириков, толпа ворвалась во двор приората, и начался разгром. Все вино, найденное в погребках братии рыцарей, было выпито или розлито. Церковь, госпиталь и все остальные постройки были разрушены и сожжены и горели неугасимым огнем в течение целых семи дней¹⁰⁸. Отсюда уже к ночи толпа тысяч в двадцать, под покровительством Джека Строу, направилась к поместью приора госпитальеров и казначея королевства, расположенному в двух милях от Лондона. Поместье называлось Хайбери (Highbury). Только недавно приор выстроил здесь себе изящный дворец, названный в современной хронике вторым раем («*quasi alterum paradisum*»)¹⁰⁹. Дворец и все другие здания запылали. Наступившее утро застало здесь восставших занятыми делом разрушения: при помощи разных орудий они громили все то, что нелегко поддавалось огню¹¹⁰; из Лондона к ним прибывали новые подкрепления¹¹¹.

В то время как часть восставших отправилась к Хайбери и здесь оставалась всю ночь, другая толпа, и, по-видимому, самая многочисленная, расположилась на ночлег на Майл-Энде. В то же время третий отряд восставших занял площадь св. Екатерины возле Тауэра с намерением заставить короля выслушать и исполнить их требования¹¹². По словам Фруассара, восставшие заявляли, что они желают потребовать отчет у канцлера Англии и узнать, что случилось с теми большими суммами, которые были собраны в королевстве Англии в течение последних пяти лет, и если канцлер не представит удовлетворительного отчета, он худым кончит¹¹³. Занятие площади св. Екатерины имело, по-видимому, характер настоящей осады Тауэра: восставшие даже перехватывали съестные припасы, которые везли по Темзе для королевского стола в Тауэр¹¹⁴.

В пятницу утром (14 июня) толпа, осаждавшая Тауэр, подняла сильный шум. Если король не явится к ним для собеседования, заявляли восставшие, и не выдаст им изменников и своих дурных

советников («*proditores et malos consiliarios suos*»), они разрушат Тауэр и перебьют всех в нем находящихся, не исключая и самого короля¹¹⁵. Король сделал попытку убедить осаждавших мирно разойтись по домам, обещая им прощение всех совершенных ими беззаконий и предлагая им письменно изложить их требования, чтобы затем удовлетворить их, насколько это будет полезно ему, им и всему королевству. Но попытка эта не имела успеха: когда посланный к ним королем рыцарь прочел им предложение короля, они увидели в этом предложении один лишь вздор и насмешку («*ils dissoient que il ne fust forsque trifles et mockery*»)¹¹⁶. Королю не оставалось ничего другого, как согласиться на требование восставших и отправиться к ним для личных переговоров. Местом свидания был назначен Майл-Энд¹¹⁷.

Ворота Тауэра были открыты, и из них выехал король в сопровождении своих родственников и небольшой свиты из рыцарей, оруженосцев и городских нотаблей столицы¹¹⁸, направляясь к воротам Олдгет.

За королем последовали многие из находившейся у Тауэра толпы; но большинство их осталось на своем месте¹¹⁹, и лишь только королевский кортеж проследовал мимо них, огромная толпа восставших ворвалась в Тауэр и с криками «Где изменники?» стала бегать по всем комнатам замка, разыскивая архиепископа, приора госпитальеров и других ненавистных им лиц¹²⁰. По словам сент-албанского монаха, в Тауэре оставался гарнизон, состоявший из тысячи двухсот человек; все это были люди весьма опытные в военном деле и храбрые; но тут они совсем потеряли присутствие духа: страх совершенно парализовал их, и они скорее походили на мертвецов, чем на живых людей; на них напал полный столбняк, и они с безжизненным спокойствием безмолвно глядели на то, как восставшие с палками расхаживали по комнатам замка, забрались даже в спальню короля и в спальню его матери, садились и даже ложились на королевскую кровать, отпуская при этом крепкие шутки; у матери короля они просили поцелуев; некоторые из крестьян подходили к воинам, иным грозили, а иных фамильярно трогали за бороды, предлагая им перейти на их сторону, заключить клятвенный союз и совместно с ними разыскивать изменников королевства¹²¹.

Схватив одного из служителей архиепископа, толпа потребовала, чтобы он указал, где скрывается этот последний. Служитель привел инсургентов в капеллу. Здесь находился Симон Седбери, только что перед тем отслуживший обедню в присутствии короля. Толпа обозвала примаса Англии изменником королевства («*regni proditor*») и разорителем простого народа («*communis vulgi depraedator*») и потащила его на холм возле Тауэра. Здесь толпа подняла ужаснейший крик, сравниваемый летописцем с завыванием подземных жителей. Такой крик восставшие издавали всякий раз, как кого-ни-

будь обезглавливали или разрушали чей-либо дом. Архиепископ, видя вокруг своей головы целый лес обнаженных мечей, сверкавших на солнце, попытался было образумить рассвирепевшую толпу и указал ей на опасность интердикта, грозящую Англии в случае его смерти; но толпа пришла в еще большую ярость, закричала, что не страшен ей папа и не боится она его интердикта, и потребовала немедленной казни для изменника общин и королевства («qui falsus fuerat communitati et regni proditor»). Только восьмой удар топора прекратил жизнь архиепископа, отделив голову от туловища¹²².

Вместе с архиепископом на холме возле Тауэра (Tower-Hill) были обезглавлены приор госпитальеров и казначей королевства Роберт Хелз (Hales), а также Джон Лег (Leg), один из королевской свиты, которому приписывали мысль отправить комиссаров для ревизии сбора поголовной подати, францисканец Уильям Аппелдор (или Аппелтон) (Appledore и Appeltone), хирург герцога Ланкастерского и близкий к нему человек¹²³, и еще несколько лиц¹²⁴. Толпа насадила головы казненных на пики и с торжеством понесла их по улицам столицы, громко восклицая: «Вот головы изменников!» Насладившись потехой, она выставила их на Лондонском мосту как головы изменников; на голову архиепископа надели красную шайку и прибили ее ко лбу гвоздем¹²⁵.

После этого началась расправа с другими. Одним из первых пострадал богатый лондонский купец Ричард Лайонс (Lyons). Этот Лайонс был осужден Добрым парламентом 1376 г. за крупные мошеннические проделки, при помощи которых он вместе с лордом Лэтимером (Latimer) обирал государственное казначейство, и был заключен в тюрьму, но впоследствии был освобожден и восстановлен в своих правах помимо воли народа, который считал его и его союзника достойными виселицы¹²⁶. Толпа ворвалась к Лайонсу в дом, схватила его, потащила на Чипсайд и здесь обезглавила¹²⁷. Всех встречавшихся на пути толпа спрашивала: «Вы за кого?» («With whome haldes you?»). И если спрошенный не отвечал: «За короля Ричарда и верные общины» («With Kinge Richarde and the true comons»), с него со страшным, каким-то особенным криком срывали шапку и отсекали ему голову¹²⁸. Особенно много погибло в этот день фламандцев, на которых местное промышленное население давно уже ревниво глядело как на своих привилегированных конкурентов. Толпа узнавала фламандцев по дурному произношению слов *хлеб* и *сыр* и не давала пощады никому, кто вместо bread (брэд) и cheese (чииз) говорил brot и sawse¹²⁹. Многие из них искали убежища в церквях, но их вытаскивали оттуда, как и из их собственных домов, влекли на улицу и здесь обезглавливали, сваливая их тут же в кучи человек до сорока в каждой¹³⁰. Толпа врвалась в дома ломбардцев и других живших в столице иностранцев и громила все, что ей попадалось здесь под руку¹³¹. Всякий, кто питал к кому-либо

злобу или вражду, мог найти немедленное удовлетворение¹³², ему только стоило указать на такое лицо, и при громких криках толпы голова этого последнего катилась с плеч. Таким способом расправились со своими мастерами многие ученики¹³³, убежавшие от них к восставшим, лишь только эти последние вступили в город¹³⁴. Все, кто считал себя жертвой несправедливости, спешили восстановить свои права. По словам судебного протокола, олдермен Джон Хорн, ведя за собой неисчислимую толпу вооруженных людей, разъезжал верхом на коне и с развевающимся знаменем в руках по улицам столицы и всем желающим предлагал скорый и справедливый суд¹³⁵. И желающие находились. К Хорну, показывают присяжные, подошла некая Матильда Токи (Току) и стала жаловаться ему на Ричарда Токи (Току), торговца москательными товарами, заявляя, что этот Ричард незаконно завладел принадлежащей ей по праву наследования усадьбой. Немедленно же Джон Хорн и вся его свита в сопровождении Матильды двинулись на Ломбард-стрит (Lombard street), где находилась спорная усадьба. Здесь Хорн, «присвоив себе власть, принадлежащую королю» («*capiens super se regalem potestatem*»), публично произнес приговор («*dedit iudicium aperte*»), что Матильда должна завладеть усадьбой, и присудил в ее пользу все находившееся в усадьбе имущество в возмещение ее убытков¹³⁶; таким образом, Ричард Токи и его наниматели (*tenentes*) были изгнаны, и во владение усадьбой вступила Матильда¹³⁷.

Лондонский житель Томас Фарндон (или Фарингдон; Farndon, Farungdon), предводитель большой толпы восставших, подошел к королю, когда тот выезжал из Тауэра, чтобы отправиться на Майл-Энд, и обратился к нему с просьбой разрешить ему вступить во владение усадьбой, отнятою у него неким Ричардом Уэстоном (Weston), грозя в противном случае завладеть отнятым имуществом по собственной воле с помощью находившегося в его распоряжении отряда¹³⁸. Последний способ действий — самый обычный, хотя и при этом восставшие не всегда считали удобным вполне обходиться без юридических формальностей. Так, некто Роберт Хулл (Hull), лондонский матрос (*shiperman*), в сопровождении толпы кентских и эссекских жителей, с распущенным знаменем ворвался в аббатство de Grace в предместье столицы и заставил аббата этого монастыря отправить вместе с ними в Лондон одного из монахов, чтобы ввести их во владение недвижимостью аббатства («*ad seisinam dandam in diversis tenementis dictorum Abbatis et conventus*»)¹³⁹. Восставшие врываются в дома и угрозами заставляли владельцев их давать им богатый выкуп за свою жизнь¹⁴⁰. Пивовар Уильям Трумен (Willielmus Treweman Brewere) остановил возле ворот Олдгет ехавшего с королем на Майл-Энд Николая Брембера (Brembre), схватив за узду его коня, и стал упрекать его за те несправедливости, которые тот причинил ему в бытность свою лондонским мэром¹⁴¹; вечером Трумен

с толпой восставших отправился в дом Брембера *apud le Riote*, приведя в великий ужас Брембера и его семью, и путем страшных угроз заставил его уплатить ему пять марок¹⁴². Другой пивовар, Уолтер *atte Keye* (*Walterus atte Keye Brewere de Wodestrete*), привел толпу народа к дому пивовара (*brewere*) Андрея *Vernoun* возле верфи св. Павла («*apud Pouleswharf London*»), силой ворвался в дом и грозил Андрею смертью, а его дому разрушением, пока тот не уплатил ему 3 шиллинга и 4 пенса¹⁴³. Отсюда вместе с другими Уолтер отправился к Гилдхоллу (*Guildhall*, ратуша) в приходе св. Лаврентия, в еврейском квартале Олд Джьюри (*Old Jewry*) («*inveteri judaismo*»), неся с собой огонь, чтобы поджечь Гилдхолл и сжечь какую-то книгу, называемую *Le jubile*; книги этой они здесь не нашли и двинулись отсюда на улицу Милк-стрит (*Milk street*), где помещалась счетная палата короля («*computatorium domini Regis*»). Инсургенты разбили палату, разломали все ящики и все искали «книгу об обычаях города Лондона, называемую *Le jubile*», чтобы сжечь ее, если она найдется, но все не находили ее...¹⁴⁴ Восстание распространялось и на те из предместий столицы, куда оно еще не успело проникнуть, и здесь сопровождаясь разгромом домов, сожжением документов, требованиями выкупа за жизнь¹⁴⁵.

Между тем король и его свита прибыли на Майл-Энд. Современный летописец так изображает это свидание короля с восставшими.

Король находился в смертельном страхе, уподобившись ягненку, попавшему в стадо волков («*quasi agnus inter lupos*»). На него угрюмо глядели тысячи суровых лиц. Ричард приветствовал толпу растерянно-заискивающим поклоном («*suppliciter adoravit*»). К нему подошло несколько человек и от лица остальных подали ему письменную петицию, весьма настойчиво требуя, чтобы он утвердил ее своими королевскими письмами («*per Regis literas patentis*»), заявляя при этом, что он не уйдет от них, пока не даст своего согласия на их требования¹⁴⁶.

Вот содержание этой петиции: «Все в пределах королевства Англии должны быть освобождены от всякого рода личной зависимости и рабства, так, чтобы впредь не было ни одного виллана.

Всем своим подданным король должен простить всякого рода совершенные теперь против него преступления, как то: восстания, измены, убийства и грабежи, захват чужих прав, вымогательства, и даровать им, всем и каждому, свой крепкий мир.

Всем подданным короля должно быть даровано право свободно покупать и продавать во всех городах, местечках, селах, где производится торговля, и во всех других местах в пределах королевства Англии.

Землю, которую прежде держали на вилланском праве, за службу, впредь должно держать исключительно за деньги, причем с акра следует брать не более четырех пенсов; в тех же случаях, когда

за акр взимали менее четырех пенсов, эта последняя плата не должна быть возвышаема»¹⁴⁷.

И много других предосудительных вещей («haec et plura alia praejudicialia») требовали они от короля, прибавляет летописец. В частности, Уот Тайлер от имени общин потребовал от короля выдачи им «всех изменников ему и закону» («toutz les traytores que uels fueront encontre luy ec la ley») ¹⁴⁸.

Отклонив это последнее требование¹⁴⁹, король согласился на все остальное и со своей стороны предложил народу мирно разойтись по домам, оставив в Лондоне по два или по три человека от каждой деревни, которым и будут выданы грамоты за королевской печатью, заключающие в себе все то, о чем просил его народ на Майл-Энде¹⁵⁰. «Эссексам приятно было слышать это предложение, — говорит сент-албанский монах, — они уже устали от продолжительных трудов и соскучились по своим домам, женам и детям; и они решили удалиться, оставив некоторых из своих получать королевские грамоты»¹⁵¹.

Простившись с народом («licentia petita») ¹⁵², король в сопровождении своей свиты отправился обратно в Лондон. В тот же день, находясь в своем дворце Wardrobe (самом укрепленном пункте во всем Лондоне после Тауэра), король вручил графу Ричарду Аронделу (Arundel) большую печать на временное хранение¹⁵³. Более тридцати клерков было засажено за изготовление королевских патентов, и эти освободительные грамоты за королевской печатью были переданы оставленным эссексами депутатам и всем, кто их желал получить¹⁵⁴.

После удаления эссекских крестьян в Лондоне остались кентцы с Уотом Тайлером, Джеком Строу, Джоном Боллом и другими своими предводителями¹⁵⁵. Французский хроникер насчитывает их более тридцати тысяч¹⁵⁶. Наступила суббота (15 июня), а они, по словам сент-албанского монаха, и не думали прекращать убийств, разгромов и пожаров, не менее свирепствуя, чем накануне¹⁵⁷. Несомненно, среди восставших немало было людей, воспользовавшихся восстанием с целью грабежа, самого беззастенчивого и непосредственного: стоит только вспомнить, что все тюрьмы были открыты и преступники отпущены на свободу с клятвенным обязательством присоединиться к восставшим; несомненно, что все эти и другие паразиты восстания остались в Лондоне с уходом эссексов, сообщив движению внутри города более резко выраженный хищнический отпечаток. Тем не менее едва ли прав Фруассар, утверждая, что все оставшиеся в Лондоне инсургенты не особенно много заботились о приобретении писем за королевской печатью, но всецело были заняты мыслью о том, чтобы произвести в городе полное смятение, перебить сеньоров и богатых людей и разграбить их дома, и торопили своих предводителей приступить к разгрому богатого и могущественного Лондона прежде, чем явятся ополчения из дру-

гих графств и перехватят у них золото, серебро и все богатства столицы¹⁵⁸. Правда, об исключительно разрушительных намерениях оставшихся в Лондоне кентцев говорит в своей *Исповеди* и Джек Строу, а с его слов и сент-албанский монах¹⁵⁹; но программа Строу была программой лишь небольшой кучки самых крайних из участников восстания 1381 г., и судить по ней о намерениях десятков тысяч оставшихся в Лондоне кентцев мы не имеем права. Кентцы не были удовлетворены освободительной грамотой, выданной жителям Эссекса: они и бывшие в их сообществе хотели большего, хотя едва ли это большое рисовалось для всех них в одинаковых очертаниях. Вот в сущности и все, что мы пока можем сказать об их намерениях. По-видимому, между ними и королем было условлено, что король явится к ним на Смесфилд (площадь, где по пятницам продавали лошадей) («ou li marchies des chevaulx est le venredy»)¹⁶⁰, и они придут здесь к какому-нибудь соглашению.

Прежде чем отправляться на Смесфилд, король в сопровождении баронов и рыцарей и отряда лондонских горожан поехал в Вестминстерское аббатство, чтобы просить у Эдуарда Исповедника заступничества в деле, в котором, — благочестиво замечает современный летописец, — ум человеческий был бессилён¹⁶¹. У монастырских ворот его встретила процессия монахов в богатых облачениях с аббатом во главе. Король и его свита сошли с коней. Король преклонил колени и набожно, со слезами на глазах, поцеловал поднесенное ему распятие, которое несли впереди процессии¹⁶². Затем все прошли в церковь и слушали обедню. Король долго беседовал наедине с жившим в аббатстве затворником, исповедовался у него¹⁶³, а затем причастился и стоял на молитве пред чудотворным образом Богородицы¹⁶⁴. Молитвенное настроение всех присутствовавших в церкви было нарушено сильным шумом у входа, и в церковь ворвалась большая толпа, на глазах у короля схватила искавшего убежища у гробницы св. Эдуарда королевского маршала и начальника тюрьмы Маршалси (Marshalsea) Ричарда Имуорса, знаменитого своей жестокостью в отношении к заключенным («homme sans pitié come tormentour»)¹⁶⁵, и повлекла его вон из церкви, чтобы по пути к Смесфилду обезглавить его на рыночной площади (ныне Чипсайд, Cheapside)¹⁶⁶.

Из Вестминстерского аббатства король и бывшие с ним отправились на Смесфилд. Здесь уже ждала его стоявшая в боевом порядке огромная толпа народа с Уотом Тайлером во главе. Король и его свита остановились возле госпиталя св. Варфоломея. Немедленно же король послал лондонского мэра Уильяма Уолуэрт сказать восставшим, чтобы их предводитель явился к королю и изложил ему их требования¹⁶⁷.

Взобравшись на низкорослую лошадку, в сопровождении знаменосца, с одним лишь кинжалом в руке, Уот Тайлер отправился

к королю. Подъехав к королю, он сошел с коня, почтительно согнул перед королем колено, схватил и сильно и грубо пожал королю руку и сказал: «Будь спокоен, брат, и весел: через какие-нибудь две недели общины будут благодарить тебя еще больше, чем теперь, и мы будем хорошими товарищами»¹⁶⁸. Король спросил Тайлера, почему он и его товарищи не хотят возвращаться домой, как это сделали другие: ведь королевская грамота дала им все то, чего они требовали на Майл-Энде. Тайлер решительно на это заявил и подкрепил свое заявление весьма энергичной клятвой («*par grand serement*»), что ни он, ни его товарищи не уйдут, пока не получат грамоты, дополненной новыми статьями, и что лорды королевства горько раскаются, если эти статьи не будут прибавлены. И затем, по требованию короля, стал излагать эти новые пункты¹⁶⁹.

Все выделенные в исключительное пользование сеньоров лесные и водные территории («*omnes warenae tam in aquis quam in parcis et boscis*») должны стать общим достоянием, чтобы как богатый, так и бедный мог по всему королевству во всех реках и прудах свободно ловить рыбу, охотиться за зверями во всех лесах и гонять зайцев на всех полях¹⁷⁰. В королевстве не должно быть никакого закона, кроме закона Винчестерского («*que nul ley deuoiest estre fors la ley de Winchester*»). Впредь суды не должны приговаривать к лишению покровительства законов («*que nul vttagarie seroit eu nul proces de ley fait de ore en avant*»). Права сеньоров должны быть упразднены и установлено равенство всех, кроме короля. Находящиеся в распоряжении монахов, настоятелей приходов, викариев и других церковных людей имущества должны быть отняты у них, за исключением того, что необходимо для их содержания, и разделены между прихожанами. В Англии должен быть лишь один епископ и один прелат, и все земли и держания епископов и прелатов должны быть взяты у них и разделены между общинами. В заключение Тайлер заявил: в Англии не должно быть вилланов и вилланства, но все должны быть свободны и равны («*que nul naif seroit en Engleterre ne nul seruaige ne naifte mes toutz estre free et de un condicione*»)¹⁷¹. Король выразил готовность удовлетворить все эти требования, поскольку это совместимо с его королевскими правами, и предложил Тайлеру и его товарищам не медля разойтись по домам.

Был жаркий день; от продолжительного разговора с королем у Тайлера пересохло в горле, и он послал своего оруженосца достать ему чего-нибудь выпить. Ему принесли сначала воды, а потом пива. Сначала он выполоскал «грубо и непочтительно» («*ledement et vilanousment*») в присутствии короля свой рот, а затем отпил большой глоток пива и стал тут же, не обращая внимания на короля, взбираться на свою лошадь. В этот момент один из свиты короля, хранившей все это время глубокое молчание, попросил позволения из задних рядов пройти вперед и взглянуть на вождя восставших.

Лишь только он увидел его, он открыто заявил, что это — величайший вор и грабитель во всем Кенте. Услышав эти слова, Тайлер в раздражении замотал головой и крикнул говорившему, чтобы он подошел к нему. Тот не решался сначала, но затем подошел к нему. Тайлер велел своему оруженосцу сойти с коня и отрубить голову оскорбителю. Этот последний заявил Тайлеру, что он не заслужил смерти, так как то, что он говорит, — чистейшая правда, и отказался вступать с ним в пререкания в присутствии короля. Тогда Тайлер ринулся на него с кинжалом в руке и въехал в ряды королевской свиты. Лондонский мэр остановил его и заявил ему, что арестует его. В ответ на это Тайлер ударил Уолуэрта кинжалом в живот. Удар скользнул по кольчуге, которая была надета на мэра, не причинив ему никакого вреда; мэр с своей стороны выхватил из ножен тесак и ударил Тайлера сначала в шею, а потом в голову, один из членов королевской свиты несколькими ударами меча смертельно ранил вождя кентцев; но он еще успел дать шпоры своему коню и проехал несколько шагов, а затем свалился полумертвый на землю¹⁷². Его окружили плотной цепью королевские люди.

Кентцы не догадывались, что произошло с их предводителем¹⁷³; не заметили они и того, как Тайлера за руки и за ноги стащили в госпиталь св. Варфоломея¹⁷⁴. Но, наконец, все им стало ясно. В толпе пронесся грозный ропот. Все натянули свои луки, чтобы пустить в короля и его свиту тысячи стрел и отомстить за предательскую смерть своего вождя¹⁷⁵. В эту минуту король дал шпоры своему коню и быстро помчался к толпе. «Я — ваш предводитель, я — ваш король! — воскликнул Ричард. — Кто за меня, пусть следует за мной в поле: там он получит все, чего желает»¹⁷⁶. Неожиданность появления короля, смелость его и решительный тон его слов произвели на толпу сильнейшее впечатление, подействовали на нее, как самое непреодолимое внушение, и вся она как один человек последовала за королем в открытое поле¹⁷⁷. Здесь между королем и народом должно было состояться соглашение¹⁷⁸. Восставшие, по словам одного анонимного автора, соглашались вести с королем переговоры о мире только на том условии, что он выдаст им головою лорда мэра Уильяма Уолуэрта¹⁷⁹.

Между тем мэр в сопровождении одного слуги помчался в город и поднял тревогу: король находится в смертельной опасности; не медля ни минуты, нужно спешить к нему на помощь, иначе будет поздно. Быстро составилась значительный отряд вооруженных людей и под командой сэра Роберта Ноллиса (Knollis) поскакал за город¹⁸⁰. Дело короля было выиграно. Если до этого момента восставшие еще сильно колебались, как им поступить — умертвить ли короля или же мирно разойтись по домам, получив королевскую грамоту¹⁸¹, то совершенно неожиданное для них прибытие блестящего городского ополчения¹⁸² внесло полное смятение в их

ряды¹⁸³, и без того расстроенные предательской смертью их предводителя¹⁸⁴, и сделало их более сговорчивыми. Со своей стороны, король и его советники не сочли возможным вторично подвергать риску свою жизнь и все ставить на карту и сдержали воинственный пыл рыцарей и лондонских нотаблей, изъявлявших сильное желание броситься на крестьян и отомстить им за недавнее унижение¹⁸⁵. Король приказал выдать восставшим освободительные грамоты¹⁸⁶, проводить их через Лондон и через Лондонский мост¹⁸⁷ и вместе с своей свитой и городским отрядом в великой радости возвратился в Лондон¹⁸⁸, предварительно тут же, среди поля, возведя в рыцари лондонского мэра Уильяма Уолуэрта и с ним еще нескольких богатых и влиятельных представителей столичной буржуазии*.

В тот же день по улицам Лондона был оповещен королевский приказ, чтобы всякий, кто не принадлежит к лондонским уроженцам и кто не прожил в столице в течение целого года, немедленно оставил пределы города под страхом быть признанным королевским изменником и поплатиться головой¹⁸⁹. Приказ был прочитан и выслушан, никто не имел смелости его нарушить, и в ту же субботу весь пришлый люд вышел из города¹⁹⁰.

Восставшим были выданы грамоты за королевской печатью, и огромная толпа их в совершенном беспорядке двинулась внутрь страны, постепенно уменьшаясь по мере удаления от столицы.

В грамотах этих король доводил до общего сведения, что по своей особенной милости он отпускает на волю всех и каждого из своих подданных, простого звания и других («communes et alios») в королевстве Англии и всех их и каждого освобождает от всякой личной зависимости и рабства («ab omni bondagio et servitio»); что он прощает этим своим подданным всякого рода восстания, ими против него поднятые, когда они ездили и ходили по разным местам королевства с вооруженными людьми, стрелками и прочими, с распущенными знаменами и значками, а также всякого рода измены, убийства и грабежи, захват чужих прав и вымогательства, ими или кем-либо из них совершенные, равно как ставит под защиту закона тех из них, кто благодаря этому был объявлен вне его стоящим, и всем им и каждому дарует свой крепкий мир; что он желает, чтобы эти его подданные свободно покупали и продавали во всех го-

* *Knighton*, col. 2637; *Mon. Evesh.*, 29; *Froissart*, IX, 415; *Riley*, Memorials. По словам *Анонимной хроники*, король приказал мэру надеть на голову шлем. Мэр спросил, для чего он должен это сделать. Король ответил ему, что он хочет возвести его в рыцари за ту услугу, которую он ему оказал. Мэр заявил на это, что он недостойн этой чести и не имеет необходимого для рыцаря состояния, так как он простой купец и принужден жить торговлей. Но король заставил его надеть шлем, взял обеими руками меч и с великой охотой дал ему сильный удар по спине («et luy dona en colle fortement etod bone volunte»), а затем пожаловал ему землю в сто фунтов; еще трое возведенных им в рыцари получили каждый землю в 40 фунтов (*An anonimalle cronicie*, 520—521).

родах, местечках, торговых селах и в других местах в пределах его королевства Англии и чтобы ни один акр земли, которую теперь держат на вилланском праве, за службу, впредь не держали иначе, как за деньги, и притом не более как за четыре пенса, а где раньше держали его за меньшую плату, там он и впредь не возвышался бы в цене¹⁹¹.

Вернувшись домой с королевскими письмами, крестьяне, как вилланы, так и свободные, стали считать себя, по выражению современного летописца, благороднее самого короля («*aestimabant se supra lineam regiam generosos*») и свободными от всяких служб и обычных повинностей и решили не исполнять вовсе никаких служб и обычных повинностей и не платить никаких денежных взносов¹⁹². Никому из них не приходило на мысль, что и торжественные обещания короля на Майл-Энде, и совершенно официальный характер королевской грамоты, и королевская печать, что все это только средство избавиться от них, принятое правительством в интересах самосохранения в минуту крайней опасности, что, лишь только опасность пройдет, все это будет уничтожено и их опять заставят по-прежнему нести и барщину и все другие повинности «без противоречия, ропота, сопротивления или какого-либо затруднения» («*absque contradictione, murmure, resistentia, seu difficultate aliquali*»)¹⁹³, предварительно наведя на них ужас страшными казнями, усеяв страну виселицами по девяти-десяти трупов на каждой¹⁹⁴, чтобы для потомков их «на вечные времена служило зеркалом их несчастье, чтобы они могли проклинать их и боялись совершать подобное»¹⁹⁵.

А между тем именно это их ожидало, и в самом скором времени. Немедленно же по удалении кентцев король разослал по графствам приказ, чтобы все, кто любит короля и дорожит его честью, конны и оружны спешили в столицу¹⁹⁶. И вот в течение трех дней в Лондоне собралось, по словам летописца, до сорока тысяч прекрасно вооруженных всадников¹⁹⁷.

В понедельник, 17 июня, в лондонском Гилдхолле заседала уже чрезвычайная судебная комиссия с лордом-мэром во главе и творила суд и расправу над попавшими в руки правительства инсургентами¹⁹⁸. Среди них был Джек Струи и два других предводителя восставших, Джон Кэркби (Kirkeby) и Алан Тредер (Thredere, купец), а также признавший себя убийцей архиепископа Симона некто Джон Стерлинг (Sterlinge) из Эссекса; все они были казнены по приговору комиссии¹⁹⁹. 18 июня был разослан по графствам королевский патент, в котором король доводил до всеобщего сведения, что слух, распространенный восставшими, будто бы они действуют по его королевской воле и повелению, совершенно ложен, и приказывал всем шерифам, мэрам, бейлифам и всем остальным своим верным подданным, чтобы они под страхом конфискации всего, что король

может конфисковать у них, повсюду оповестили об этом и вооруженной рукой и всеми иными находящимися в их распоряжении способами оказали сопротивление восставшим и велели им оставить свои сборища и мирно разойтись по домам, в противном случае рискуя поплатиться жизнью и всем, что имеют²⁰⁰.

«Приказ этот, — повествует сент-албанский монах, — весьма ободрил людей, оставшихся верными королю и королевству, и, как и следовало, привел в смятение вероломных. Те, кто прежде хотел быть на виду, принуждены были искать потаенных мест, а юристы и те, кто прежде бежал перед лицом страха, приобрели смелость оставить свои убежища (*cavernas*). Одни молча, со страхом, ждали над собой суда; другие, освободившись от страха, с радостью подымались мстить за свои обиды»²⁰¹.

Но прежде чем изображать участь, постигшую народ в самые первые дни медового месяца его свободы, познакомимся с тем, что происходило по всей Англии в то время, когда в Лондоне разыгрывалась описанная нами драма.

В тесной связи с лондонскими событиями развивалось *восстание в городе Сент-Албансе* (*St.-Albans*) и в соседних с ним селах и городах, находившихся вместе с Сент-Албансом под юрисдикцией сент-албанского аббатства, в Хертфордском графстве (*Hertfordshire*). Источники чрезвычайно обстоятельно сообщают нам обо всем, что здесь происходило, так что мы имеем полную возможность восстановить картину движения во всех ее конкретных подробностях, переносящих нас в современную восстанию атмосферу и тем облегчающих нам понимание тогдашнего настроения и тогдашних отношений.

В четверг, в праздник Тела Христова (13 июня), вечером из города Барнета (*Barnet*) примчалось несколько человек в Сент-Албанс и сообщили следующее: сент-албанцы должны вооружиться, кто чем может, и вместе с жителями Барнета немедленно отправляться в Лондон; этого требует народ («*communes mandasse*»), угрожая, в случае отказа исполнить его повеление, прислать двадцать тысяч человек, которые предадут пламени Барнет и Сент-Албанс, а жителей их уведут в Лондон силой²⁰².

Около полуночи большая толпа сент-албанских горожан («*graunt partie des gentz de la ville de Seint Auban*») явилась в аббатство, сообщила аббату полученную весть и обратилась к нему за советом, как быть («*et demanderunt consail*») ²⁰³.

Аббат и соборные старцы пришли к такому решению: двенадцать человек из более видных монастырских служащих («*duodecim de valentioribus familiaribus*») и двенадцать из более значительных горожан Сент-Албанса («*et duodecim valentiores de praedicta villa*») должны отправиться к королю и общинам («*ad Regem et dictam communitatem*»), спросить у них, действительно ли справедливо из-

вестие, принесенное в Сент-Албанс из Барнета, и передать им, что Хертфордское графство и город Сент-Албанс остаются верными королю и общинам, что между сеньорами и их подданными здесь существуют самые дружеские отношения, так что королю и общинам нет надобности являться сюда для улаживания каких бы то ни было несогласий: все здесь готовы сражаться за короля и государство, лишь бы им было указано время и место²⁰⁴.

Видя в этом совете скорее поощрение, чем запрещение, сент-албанцы в числе пятисот приблизительно человек, едва дождавшись утра, вышли из города вместе с монастырскими служащими; в Барнете к ним присоединилась большая часть жителей города, и все они направились к Лондону²⁰⁵.

Не доходя до столицы, возле мэнора магистра госпитальеров Хайбери (Highbury), они встретили двадцатитысячную толпу («rusticorum et communis vulgi») под предводительством Джека Строу, которая, как мы знаем уже, была занята разрушением плававших домов в этом поместье. Строу тотчас же заставил новоприбывших дать клятву верности королю Ричарду и общинам. Они присоединились к его отряду и вместе отправились в Лондон.

В Лондоне они остановились возле церкви св. Марии на Чипсайде, так называемой St. Mary-le-Bow (Sanctae Mariae de Arcubus, как переводит автор Gesta), и стали совещаться о том, как им лучше всего поступить, чтобы добиться от аббата давно желанных прав и вольностей (общинного выгона, права ловить рыбу в некоторых местах, права охотиться и ловить птиц в лесах и парках аббатства, права иметь свои собственные ручные мельницы и беспрепятственно молотить на них свой хлеб, свободы от вмешательства в их городские дела бейлифа монастырских владений) и получить обратно обязательства, которые их предки выдали аббату Ричарду де Уоллингфорду (Wallyngford), а также разные другие грамоты²⁰⁶. Одни советовали обратиться к Уоту Тайлеру и попросить у него помощи, другие предлагали обратиться к королю, чтобы он выдал им указ, скрепленный королевской печатью, повелевающий аббату исполнить все их желания. Оба предложения показались одинаково благоразумными. Среди пришедших в Лондон сент-албанцев находился некто Уильям Грайндкобб (Gryndecobbe). По словам летописца, человек этот многим был обязан монастырю: здесь он был вскормлен, воспитан и выведен в люди. Вот этот-то Грайндкобб взялся исполнить и то, и другое предложение. Шесть раз, — рассказывает летописец, — преклонял он колени перед королем в присутствии толпы народа²⁰⁷, и король согласился выдать ему требуемую грамоту. К Тайлеру Грайндкобб явился в сопровождении довольно значительной толпы сент-албанцев, которые стали жаловаться вождю кентцев на аббата, приора и некоторых монахов, обвиняя их в том, что они несправедливо поступают со своими крестьянами,

притесняют городских жителей и задерживают содержание бедных и служащих²⁰⁸. Тайлер сказал им на это, что, если понадобится, он не замедлит явиться в Сент-Албанс с двадцатью тысячами своих людей сбрить бороды аббату, приору и всем прочим монахам («ad radendum barbas Abbatis et Prioris et caeterorum monachorum»); только сент-албанцы должны повиноваться всем его приказаниям. И тут он дал им некоторые инструкции, как они должны поступить, вернувшись к себе домой, и взял с них клятву, что все будет в точности исполнено²⁰⁹.

Заручившись такими обещаниями, сент-албанцы вышли из Лондона. Раньше их прибытия в Сент-Албанс в аббатство примчался один из монастырских служащих, отправленных аббатом в Лондон, и сообщил аббату обо всех ужасах, происходивших в столице, об убиении архиепископа и казначея королевства и многих других, о том, что народ без милосердия рубит головы всем, к кому питает ненависть, что приору и еще нескольким монахам грозит неминуемая смерть, если они будут ждать прихода восставших. Услышав эту весть, приор, четверо монахов и немалое число монастырских служащих немедленно бежали.

Вечером того же дня в Сент-Албанс вернулись Уильям Грайндкобб и булочник (pistor) Уильям Кэдиндон (Cadyndone) и сент-албанские горожане, прибывшие несколько позже своих руководителей. Грайндкобб и Кэдиндон оповестили по городу, что все им удалось, что с этих пор все сент-албанцы будут людьми свободными, что в эту же ночь нужно отправиться в лес аббата и сломать и изрубить все загородки (faldas) и порота (portas), а также нужно разрушить городской дом помощника келаря, стоящий напротив улицы, на которой продавалась рыба²¹⁰. На этот призыв охотно откликнулись сент-албанцы и сделали все, что им советовали их вожди²¹¹.

Тогда же во все села и деревни, находившиеся под властью аббатства, был разослан полученный от Тайлера, как уверяет летописец²¹², приказ, чтобы все жители их являлись в Сент-Албанс требовать от аббата вольностей; кто не придет, тому грозили смертью, разрушением и сожжением дома и конфискацией имущества; крестьяне должны привести с собой и всех дворян, живущих и тех местностях²¹³.

На другой день (в субботу, 15 июня), рано утром жители Сент-Албанса с великой торжественностью («cum pompa magna») отправились в монастырский лес, носивший название Соколиного леса (Fawsonewode), захватив с собой оружие и всякую утварь, которая могла его заменить: таков был приказ, оповещенный по всему городу и грозивший смертью, изгнанием из дома и конфискацией имущества всякому, кто его ослушается. Здесь у них произошло совещание, после которого они вернулись в город, разрушив предварительно уцелевшие от вчерашнего разгрома загородки и воро-

та. Их встретили прибывшие из монастырских владений крестьяне («de villis circumjacentibus et dominio Monasterii rustici et communes») в числе около двух тысяч человек²¹⁴. Взявшись за руки, сент-албанцы тотчас же заключили с ними клятвенный договор и вместе с ними вступили во владение как огороженными, так и неогороженными лесами и полями аббатства путем передачи древесных веток²¹⁵; поймав кролика, они понесли его на пике в город и выставили у позорного столба в знак завладения монастырским заповедным лесом («in signum libertatis et warennae sic adeptae»)²¹⁶.

После этого вся толпа с распущенными знаменами и значками двинулась к воротам аббатства и стала шумно требовать, чтобы ей открыли двери монастырской тюрьмы, находившейся возле ворот. Требование ее было исполнено. Толпа ворвалась в тюрьму и вывела оттуда всех заключенных; тут же над одним из них нарядили следствие и, найдя его заслуживающим смертной казни, немедленно отрубили ему голову и с тем же страшным криком, с каким восставшие в Лондоне обезглавливали свои жертвы, понесли ее к позорному столбу и выставили здесь, «чтобы всем стало ясно, — говорит летописец, — что они пользуются новыми правами и привилегиями»²¹⁷; остальные были отпущены на свободу и принесли клятву верности общинам (communitati)²¹⁸.

Вскоре явились в Сент-Албан жители Барнета, а около трех часов вернулся из Лондона и именитый сент-албанский горожанин Ричард Уоллингфорд (Ricardus de Walyngforde, maximus villanorum Sancti Albani) вместе с некоторыми сент-албанцами²¹⁹; перед ними развевалось знамя с изображением св. Георгия. Они привезли аббату королевскую грамоту, о которой от лица сент-албанцев просил короля Уильям Грайндкобб. Король приказывал аббату выдать горожанам (les burgeis) и bones gentz города Сент-Албанса хранящиеся в монастыре грамоты, полученные сент-албанцами от короля Генриха и утверждающие за ними общинные права на поля, пастбище, рыбную ловлю и на другие угодья²²⁰. На площади у монастырских ворот их встретила большая толпа сент-албанских горожан и прибывших в город жителей окрестных сел и деревень.

Оставив всю эту толпу на площади возле привезенного им знамени, Уоллингфорд в сопровождении некоторых других из более значительных горожан Сент-Албанса («et plures de majoribus») отправился в церковь для переговоров с аббатом. Прочтя королевскую грамоту, аббат заявил Уоллингфорду и его спутникам, что требования их незаконны, что против них говорят хранящиеся в Вестминстере протоколы процесса, который их отцы вели с монастырем²²¹. Аргументы эти не убедили Уоллингфорда и его товарищей. Ссылки на законы и на судебные решения показались им излишними, когда власть перешла к общинам, для которых существующие законы утратили свое значение²²²; они советовали аббату лучше обратиться

внимание на толпы вооруженных людей, стоящих у ворот аббатства с твердой решимостью немедленно же добиться всего, а в случае отказа тотчас же послать за Уотом Тайлером, который приведет с собою двадцать тысяч человек, и тогда уж не будет пощады ни монастырю, ни монахам. Аббат согласился на все. Он обещал написать и скрепить печатью новые грамоты о вольностях, каких они себе пожелают, и приказал выдать им обязательства, заключенные их предками с аббатом Ричардом Уоллингфордом (de Wallyngford), а также документы и книги, принадлежащие архидиакону и викарию св. Петра²²³. Не довольствуясь этим, Уоллингфорд и его товарищи потребовали от аббата, чтобы он выдал им грамоту древних вольностей Сент-Албанса, полученную горожанами от короля Генриха, в которой заглавные буквы были одни из золота, другие из лазури. Аббат отвечал, что такой грамоты у него нет; впрочем, он поищет, и если найдет ее, то выдаст ее им после обеда.

В то время как Уоллингфорд и его товарищи вели переговоры с аббатом, часть инсургентов, стоявших у монастырских ворот, проникла внутрь монастырской ограды, вошла в дом, носивший название «Гостиной» («Parlour», locutorium; по-видимому, здесь останавливались богомольцы)²²⁴, и унесла хранившиеся здесь жернова ручных мельниц; эти камни были снесены сюда сент-албанцами при аббате Ричарде Уоллингфорде, который отнял у них право иметь свои собственные ручные мельницы и заставил их молоть свой хлеб на монастырской мельнице. Камни были разбиты на мелкие куски, и каждый из присутствовавших получил по такому кусочку в знак и в память возвращения утраченного права²²⁵.

Уоллингфорд и бывшие с ним вышли из церкви и сообщили толпе о результатах своего разговора с аббатом. Все возвратились в город и здесь на площади возле креста (juxta Crucem) предали сожжению выданные аббатом обязательства и другие документы²²⁶.

После полудня у монастырских ворот опять толпились массы народа. По требованию их аббат выслал им писца, и он под их диктовку написал новую грамоту вольностей и приложил к ней печати аббата и монастыря. Но это не удовлетворило их, и они стали требовать грамоту своих древних вольностей, которая, как они уверяли, непременно должна находиться у аббата, грозя разрушить монастырь. Аббат велел сказать им, что такой грамоты он не мог найти среди монастырских документов, что пусть они сами напишут грамоту обо всех вольностях, каких только они желают, пометят ее именем короля Генриха и современного ему аббата, и он скрепит ее своей и монастырской печатями. Толпа упорно требовала подлинной древней грамоты, грозя погибелью монастыря. Было, наконец, заключено перемирие до девятого часа следующего дня²²⁷; по истечении этого срока аббат во что бы то ни стало должен выдать народу древнюю грамоту его вольностей. Толпа удалилась и, возвра-

тившись в город, бросилась разрушать дома ненавистных ей лиц, заведовавших управлением монастырскими имениями; сами эти министерялы еще в начале восстания бежали вместе с приором и некоторыми другими монахами; не зная об этом, восставшие при свидании с аббатом потребовали от него выдачи этих лиц, и аббат, не будучи в состоянии сделать это, пообещал им сместить их и удовлетворить всех, кому они нанесли какой-либо ущерб²²⁸.

В тот же вечер, распустив королевское знамя («sub vexillo regio displicato»), сент-албанцы оповестили по городу, что на всю ночь вокруг города должна быть поставлена многочисленная стража, чтобы никто из монахов не мог ни войти, ни выйти из него, а кто будет схвачен его, тому немедленно отсечь голову или заключить его до утра под караул; те, кому аббат, приор или кто-либо из остальных монахов не уплатил вознаграждения или жалованья («pro mercede vel stipendio»), пусть завтра явятся за ним, и горожане Сент-Албанса пусть постараются удовлетворить каждого из них из монастырского имущества²²⁹.

На другой день (воскресенье, 16 июня) в Сент-Албанс пришла весть о смерти Уота Тайлера и о том, что вокруг короля собираются силы для подавления восстания. Из Лондона прибыл рыцарь и привез королевскую грамоту, помеченную 15 июня, в которой король просил всех своих подданных Хертфордского графства и всех других соседних графств не причинять никакого ущерба аббату сент-албанскому, монахам, монастырю, людям его и его владениям и обещал заставить аббата дать удовлетворение всякому, кто чувствует себя обиженным им или его людьми²³⁰.

Известие о смерти Тайлера и королевское послание не произвели на сент-албанцев и действовавших вместе с ними жителей соседних сел и деревень сильного впечатления; самое большее, они настроили их на несколько более миролюбивый тон. Сент-албанские горожане перестали требовать немедленной выдачи им древней грамоты об их вольностях, удовольствовавшись пока новой грамотой, написанной под их диктовку и скрепленной печатями аббата и монастыря, и согласились взять с аббата и монастыря обязательство на тысячу фунтов в том, что если к празднику Благовещения аббат найдет древнюю грамоту, то он должен выдать ее им, а если такой грамоты не найдется и это подтвердят аббат и двенадцать старейших монахов («cum duodecim de senioribus monachis») клятвой на евангелии, или если горожанам угодно будет к этому сроку написать новую грамоту о своих вольностях, которыми они пользовались издревле, или в полученную уже ими грамоту вставить новые статьи об этих вольностях, то обязательство это теряет силу²³¹. Кроме новой грамоты о городских вольностях и обязательства, сент-албанцы в это же воскресенье получили от аббата еще один документ, в котором аббат заявлял, что он прекращает все иски, как личные,

так и имущественные, кроме долговых, какие только он когда-либо вчинял против кого-нибудь из сент-албанских горожан²³².

Выданная горожанам Сент-Албанса новая грамота вольностей давала им право общинного выпаса на полях и в лесах, окружающих город Сент-Албанс, право прохода и проезда верхом через леса аббатства, право охоты в лесах аббатства, как в неогороженных местах, так и в огороженных, право ловить рыбу в определенных местах, право иметь свои собственные ручные мельницы; муниципальные права города были обеспечены тем, что монастырский бейлиф мог переступить городскую черту только в силу королевского бреве²³³.

Получив эту грамоту, громадная толпа горожан с радостными криками отправилась совершать обход своих новых владений и ставить новые пограничные столбы; за ними следовали повозки с хлебом, пивом и другими припасами, часть которых съедалась при постановке каждого столба, чтобы таким образом закрепить в памяти этот торжественный момент и сообщить юридическому акту всю его силу²³⁴.

Возвратившись в город, сент-албанцы собрались на площади возле креста (*ad Crucem*); здесь громко была прочтена новая грамота о вольностях, затем освободительная грамота, полученная от короля жителями Хертфордского графства (в которой, как мы знаем, все крепостные объявлялись свободными, всем восставшим прощались все совершенные ими преступления и жаловался королевский мир), а также письмо, полученное аббатом от короля, содержание которого мы уже приводили.

Жители сел и деревень, находившихся под юрисдикцией аббатства, действовавшие совместно с сент-албанцами, также получили от аббатства грамоты о вольностях. Большинство этих грамот представляло собой королевскую освободительную грамоту, скрепленную печатями аббата и аббатства; некоторые из сел и деревень получили кроме того еще особые грамоты, жаловавшие им некоторые специальные права и вольности.

Жители Барнета (*Barnet*) и *South Mims'*а получили подтверждение всех своих вольностей и свободных обычаев («*omnes libertates et consuetudines suas liberas*»), утвержденных за ними королем Ричардом II, в силу которых они стали свободными держателями своих земель, должны были ежегодно уплачивать за них монастырю определенные денежные взносы и могли продавать их путем грамоты (*per chartam*) третьим лицам безо всякой помехи со стороны аббатства²³⁵. Кроме того, аббат обещал жителям Барнета в течение трехнедельного срока выдать книгу с протоколами его владельческой курии; летописец говорит, что протоколы эти свидетельствовали о несвободе их держаний, ставших свободными во время Черной смерти, когда барнетцы, воспользовавшись смертью сенешала и ке-

ляря, подделали документы и изменили характер своих держаний; требуя у аббата книгу с протоколами, жители Барнета хотели сжечь ее, чтобы таким образом уничтожить все следы прошлого²³⁶.

Две грамоты, выданные жителям Рикмансворта (Rickmansworth) от 15 июня, делали их земли свободными («libera et liberae conditionis»), способными переходить из рук в руки путем дара, продажи, наследования и завещания²³⁷; держатели должны впредь ежегодно уплачивать за них аббатству определенные денежные взносы вместо всяких служб и повинностей²³⁸; кроме того, жители Рикмансворта получали право свободно ловить рыбу в прудах Pichelesborne и Gatesey в каком угодно количестве и в какое угодно время²³⁹ и право общинного выпаса для всех своих животных, кроме свиней и гусей, с уплатой за каждую голову ежегодно три пенса вместо всяких повинностей²⁴⁰.

Жители Тринга (Tring)²⁴¹ были освобождены на будущее время от уплаты таможенных пошлин (tolnetum) на всем протяжении владений аббатства²⁴².

Все жители Уотфорда (Watford) и Кейшоу (Causho) получили для себя и для своих держателей право свободно охотиться на диких зверей, ловить рыбу, а также куропаток, жаворонков, речную и всякую иную дичь на всех землях и водах этих поселений как на монастырских доменах, так и вне их²⁴³, освобождались от обязанности отправляться в курию аббата в Хертфордском графстве²⁴⁴, от уплаты аббату и монастырю денежного взноса, называемого «пивными деньгами» («Alereny»), который «несправедливо взимался с них долгое время»²⁴⁵, а также от таможенных, дорожных, мостовых и всяких иных пошлин при проходе и проезде через владения аббатства и от обязанности строить и чинить мосты и устраивать парки²⁴⁶; в заключение они получали право иметь ручные мельницы в своих домах и навсегда освобождались от обязанности молотить свою пшеницу и ячмень на монастырских мельницах в пределах Хертфордского графства²⁴⁷.

Жители Редберна (Redburn) потребовали от аббата, кроме освободительной грамоты, еще права свободно охотиться, ловить птиц и рыбу на землях и водах монастыря, а также свободы от всяких служб в мэноре («chartam de venationibus, aucupationibus et piscationibus, liberis exercendis et de nullis debitae aut consuetae servitutis officii vel operibus manerio de caetero impendendis») ²⁴⁸. Переговоры с аббатом должны были вести насильно взятые ими в Сент-Албанс соседние дворяне²⁴⁹. Освободительную грамоту аббат пообещал им выдать в понедельник (что и сделал); что же касается остальных их требований, то об этом, заявил он, ему нужно еще посоветоваться с членами монастырского совета; о результатах этого совещания он обещал сообщить в тот же понедельник.

Редбернцы возвратились домой поздно ночью. Немедленно же они сделали оповещение, чтобы все, как те, кто уже успел заснуть, так и те, кто еще не ложился спать, под страхом разрушения их домов шли к мельнице, носившей название Bettespool Mille, и засыпали канаву, окружавшую луг редбернского приора, известный под именем Pondesmede, который некогда принадлежал редбернской общине и потом насильственно был отнят у нее²⁵⁰. Оповещение это подняло всех жителей Редберна; канава была сравнена с землей, а посаженные над ней деревья были вырублены и убраны²⁵¹.

К 20 июня все подданные аббатства как из Хертфордского, так и из Бекингэмского графств уже получили освободительные грамоты²⁵² и удалились из Сент-Албанса, чтобы начать новую жизнь среди новых условий.

По словам автора *Деяний аббатов Сент-Албанского монастыря*, сент-албанские горожане говорили не без хвастовства, что с ними в союзе тридцать две общины, готовые подняться, чтобы помочь им, когда в этом будет нужда²⁵³. К сожалению, у нас нет данных, чтобы проверить это утверждение сент-албанцев, так как наши сведения о восстании в Хертфордском графстве сосредоточиваются вокруг событий, происходивших в самом городе Сент-Албансе, и о жителях других сел и городов Хертфордшира нам известно лишь постольку, поскольку они действовали в Сент-Албансе; если есть исключения, то весьма скудные. Знаем мы, например, что некто Ричард Хорзман (Horsman) из Тринга сделал знамя с изображением св. Георгия и, держа его в руке, разъезжал по разным частям Хертфордского графства и повсюду побуждал народ к восстанию против короля и его короны²⁵⁴, а Уильям Уиттон (Wytton) в сообществе с другими «врагами короля» восстал в Беркхэмпстеде (Berkhampstead) в воскресенье, 16 июня, отсюда отправился в Ашридж (Ashridge) в графстве Bucks и здесь предал сожжению книги и документы настоятеля ашриджского монастыря, а после этого явился в Кингс-Лэнгли (Kings Langley) и отнял свободное держание у некоего Джона Марлера²⁵⁵; сообщают нам протоколы и об убийстве какого-то Уильяма Патрика (Patrik) в Уолтем-Кроссе (Waltham Cross), обвиняя в нем некоего Уолтера Парчменера (Parchmenere) из Честхэнтского (Chesthunt) прихода²⁵⁶; но все это отрывочные факты, не рисующие общей картины во всей ее индивидуальности, хотя дающие основание предполагать, что картина эта общими своими очертаниями весьма напоминает происходившее в других графствах, о которых мы имеем более обстоятельные сведения²⁵⁷.

Восстание в *Бедфордшире* (Bedfordshire) произошло одновременно с восстанием в Хертфордском графстве. Несколько дэнстеблских купцов отправились в Сент-Албанс на ярмарку. Они явились туда в самый разгар восстания подданных сент-албанского аббатства и были свидетелями того, как горожане Сент-Албанса и жители

сел и деревень Хертфордского и Бекингэмского графств густыми толпами оцепили монастырь и заставили аббата и монахов выдать им освободительные грамоты и отказаться от своих привилегий. В тот же день (в субботу) купцы возвратились к себе в Дэнстебл (Dunstable) и, вступив в соглашение между собой («consilium et, ut dicam, conspirationem inierunt»), вместе с городским мэром Томасом Хоббесом (Hobbes) незадолго до вечерни явились в дэнстеблский монастырь. Мэр приветствовал приора Томаса Маршала от имени короля («ex parte domini regis... mendaciter salutavit»). Сняв шапку и почтительно поклонившись, приор спросил о воле короля. Хоббес сурово взглянул на него и отвечал: «Король приказывает тебе, чтобы ты написал для его дэнстеблских горожан грамоту вольностей, какие они имели во времена короля Генриха I»²⁵⁸. Приор наотрез отказался исполнить это требование: восстание, по-видимому, еще не распространилось на весь город, и в кучке людей, явившихся к нему, приор не видел ничего грозного. Но вскоре поднялся весь Дэнстебл, к монастырю подошли толпы народа, и приор принужден был уступить; к этому же его склоняли, в интересах безопасности, укрывавшиеся в монастыре рыцарь Уильям Кройзер (Crouser) и некто Уильям Бэтман (Bateman). Грамота была написана. Приор прочел ее толпе и спросил, все ли согласны принять ее. Толпа заволновалась. Поднялся шум; раздались крики: «Нет! Нет!» Дело в том, что инициаторы восстания, дэнстеблские купцы, заставили аббата включить в грамоту статью, воспрещавшую жителям соседних сел и деревень продавать мясо и рыбу в пределах города Дэнстебла²⁵⁹. Статья эта, представлявшая собой явное посягательство купечества на карманы всего неторгового населения города, возбудила сильнейшее негодование массы собравшегося народа и едва не вызвала кровопролития²⁶⁰; она была вычеркнута; приор приложил к грамоте печать и передал ее горожанам.

Движение не ограничилось одним городом Дэнстеблом: оно распространилось и на другие пункты Бедфордского графства, о чем мы можем заключить из жалобы рыцаря Уильяма Кройзера, на основании которой король поручил Реджиналду de Gray de Ruthyn и еще четырем лицам (между ними Уильяму Бэтману) произвести расследование о людях, восставших в Бедфордском графстве и разоривших имения рыцаря²⁶¹.

Главными руководителями восстания в Суффолке (Suffolk) были капеллан из Сэдбери (Sudbury) Джон Роу (Wraw) и Томас Семпсон (Sampson). Они были вождями двух отдельно действовавших отрядов, причем отряды эти состояли не из одних жителей Суффолкского графства, но также и из норфолкцев, эссексцев и хертфордцев. Сент-албанский монах называет в числе вождей еще Роберта Вестброма (Westbrom) и говорит, что он был самым знаменитым после Джона Роу и провозгласил себя королем²⁶²; документы упоминают

это имя, но никаких подробностей о деятельности Вестброма не общаются²⁶³.

По словам автора *Chronicon Angliae*, Джон Роу, «преступнейший пресвитер», был в Лондоне и получил инструкции от Уота Тайлера²⁶⁴. Действительно ли Роу виделся с вождем кентцев, или же он вовсе не имел с ним никаких сношений²⁶⁵, как бы то ни было, только в среду, накануне праздника Тела Христова (12 июня), он явился в Листон (Lyston) возле Мелфорда (Melford) в Суффолкском графстве, и стоявшая здесь огромная толпа восставших из Эссекса, Хертфорда, Суффолка и Норфолка признала его своим предводителем²⁶⁶. Тотчас же Роу отправил в Сэдбери приказ, чтобы все жители этого города шли в Листон и вступали в его отряд²⁶⁷. В тот же день толпа разгромила листонскую усадьбу известного уже нам финансового дельца последних лет царствования Эдуарда III Ричарда Лайонса, павшего жертвой народной мести в Лондоне в следующую пятницу (14 июня)²⁶⁸.

В четверг, 13 июня, в день праздника Тела Христова, мы видим отряд Роу у церкви деревни Кэвендиш (Cavendish). Один из толпы добыл церковные ключи, двери были открыты, и восставшие ворвались на колокольню и захватили спрятанное здесь имущество королевского судьи Джона Кэвендиша²⁶⁹; с общего согласия они поручили разделить между ними это имущество Джону Роу²⁷⁰. Отсюда они отправились в Мелфорд и заложили местному кабатчику добытые таким способом вещи за бочку красного вина («*unam pipam vini tubei*»), которую и распили на мелфордском лугу²⁷¹. В тот же день Роу явился со своим отрядом к южным воротам города Эдмондсбери (Edmundsbury, иначе Bury St.-Edmund's) и велел объявить всем жителям его, чтобы они немедленно выходили из города и присоединялись к его отряду, грозя смертью всем ослушникам²⁷².

В пятницу (14 июня) мы застаем отряд Роу возле Милденхолла (Mildenhall). Здесь восставшие произнесли смертный приговор над приором монастыря св. Эдмонда Джоном Кембриджским (de Cambridge). Этот знаменитый в свое время певец (летописец сравнивает его с фракийским Орфеем, римским Нероном и Бледгабредом британским), по-видимому, навлек на себя ненависть эдмондсберийских горожан — и не их одних — слишком ревностным отстаиванием интересов своего монастыря; зная о таком их отношении к себе и предчувствуя беду, он поспешил спастись бегством, лишь только дошла до него весть о начавшемся в окрестностях движении; но уже было поздно, и он попал в руки людей, которые решили выместить на нем свою злобу. При казни его присутствовали и находившиеся на службе у монастыря эсквайры Томас Хелсворт (Hallesworth) и Гальфрид Денгэм (Galfridus Denham), которых протокол считает даже главными виновниками его смерти. Приору отсекали голову и, подняв на пику, с торжеством понесли в Эдмонд-

сбери, где и выставили у позорного столба²⁷³. Сюда же отряд восставших принес на пике голову главного судьи Суда королевской скамьи Джона Кэвендиша, разбиравшего дела о нарушителях статутов о рабочих в графствах Суффолк и Эссекс. Кэвендиш был схвачен преследовавшей его толпой, когда пытался сесть в лодку, чтобы спастись от грозившей ему участи, и немедленно обезглавлен²⁷⁴. Надругавшись над головами убитых друзей²⁷⁵, толпа и голову судьи выставила у позорного столба. Городская усадьба приора и дом Кэвендиша, находившийся здесь же, в Эдмондсбери, были разграблены и разрушены²⁷⁶.

Между тем несколько человек из отряда Роу, именно Гальфрид Парфи (Galfridus Parfe), викарий церкви Всех святых в Сэдбери, его капеллан Томас, эсквайр Томас Munchesy de Ebwardeston и Адам Брей (Braue) из прихода Всех святых в Сэдбери отправились (в ту же пятницу) в город Тетфорд (Thetford) в Норфолке и потребовали от мэра и влиятельных горожан («capitalibus burgensibus») двадцать марок золота, угрожая им в случае отказа приходом Джона Роу и его людей, которые сожгут город и разорят богатых горожан²⁷⁷. Получив деньги, Парфи дал из них по двадцати шиллингов эсквайру Munchesy и Адаму Брею, сорок шиллингов оставил для себя, остальные четырнадцать марок по возвращении передал Джону Роу²⁷⁸.

Инсургенты с Роу оставались в Эдмондсбери еще несколько дней. В субботу они вместе с эдмондсберийскими горожанами окружили аббатство св. Эдмонда. Проникнув внутрь монастырской ограды, они потребовали выдачи им монаха Джона де Лекингита (de Lakungith), стоявшего во главе управления принадлежавшими аббатству землями («custodem baroniae»), грозя сжечь монастырь, если требование их не будет исполнено. По словам летописца, Джон, желая спасти обитель, вышел к ним и был обезглавлен²⁷⁹. Та же участь грозила и другому монаху, некоему Уолтеру Тодингтону (Todyngtone), но его не нашли²⁸⁰. После этого толпа вызвала всю братию монастыря и заявила монахам, что они благодаря своей силе давно уже притесняют их товарищей, горожан Эдмондсбери; это продолжаться долее не может; они должны возратить горожанам письменные обязательства, которые те некогда выдали им, а также грамоты городских вольностей, пожалованные горожанам королем Кнудом, основателем монастыря, равно как и грамоты, пожалованные им последующими королями²⁸¹. Монахи вынесли на площадь ряд документов, клятвенно уверяя восставших, что больше ничего они не могли найти у себя из того, что у них требовали. Восставшие передали все эти грамоты горожанам на рассмотрение, заявив им, что если в них не окажется древних вольностей города Эдмондсбери, то они бы сами составили грамоту о вольностях, которыми пользовались в прежнее время; грамоту эту должен будет скрепить своей и монастырской печатями содержащийся в заключении в Но-

тингемской тюрьме аббат Эдмонд Браунфилд (Brounfeld), которого они намерены освободить до праздника Иоанна Крестителя²⁸². Предложение это встретило полное сочувствие у горожан; среди принесенных монахами документов древней грамоты своих вольностей они, по-видимому, не нашли и поэтому заключили с монастырем письменное условие, подсказанное им восставшими, взяв с монахов в обеспечение того, что требование их будет исполнено, самые драгоценные вещи, какие только находились в аббатстве (между прочим золотой крест и золотую драгоценную чашу, всего на сумму более чем в тысячу фунтов). Летописец замечает, что во все время переговоров с монахами эдмондсберийские горожане вели себя так, как будто бы они здесь были вовсе ни при чем, как будто даже сожалели обо всем, что происходило перед ними и в их пользу²⁸³.

В то время как центром деятельности Роу и его отряда был город Эдмондсбери, Томас Семпсон вел восстание в городе Ипсвиче (Ipswich) и его окрестностях. Общественное положение Семпсона нам неизвестно; знаем мы только, что он был человек довольно состоятельный, имевший возможность выкупить конфискованное у него казной имущество, стоившее несколько тысяч рублей на наши деньги²⁸⁴. В субботу (15 июня) этот «предводитель большого сообщества» («*dux magnae societatis*») явился вместе с другими в город Ипсвич и оповестил по городу, что все жители Ипсвича и сотен, к нему прилегающих, под страхом смерти должны собраться в Ипсвич к половине первого следующего дня, чтобы вместе с ним и его товарищами делать то, что он им прикажет²⁸⁵. Прокламация эта подняла всех, к кому была обращена, и в город стали стекаться толпы народа из окрестных сел и деревень²⁸⁶. Разгромив и разграбив дома некоторых лиц в городе²⁸⁷, Семпсон вывел отсюда эту огромную толпу (в воскресенье, 16 июня) и с ней стал переходить из села в село, из города в город, из сотни в сотню, повсюду поднимая народ против его властителей и присоединяя к своему отряду²⁸⁸.

Судебные протоколы называют еще нескольких человек в качестве главных зачинщиков и вожаков восстания («*capitales congregatores, sustentores et manutentores*») в Суффолке. Среди них мы встречаем некоего Георгия de Donnesby из Линкольнского графства, который, по словам присяжных, отправился 14 июня в Эдмондсбери и здесь подстрекал жителей этого города к восстанию против короля и верных его подданных, грозя им смертью и членовредительством от имени большого сообщества, эмиссаром которого он себя называл («*et ulterius dixit quod ipse est nuntius magne Societatis et missus est ad villam Sancti Edmundi predicti ad faciendum communitatem ejusdem ville surgere*»)²⁸⁹. Любопытные вещи сообщили присяжные и о некоем Якове de Bedyngfeld: в субботу, 15 июня, он с толпой неизвестных людей явился к дому Уильяма Rous, главного констебля

(«capitalis constabularii») сотни de Нохне в Denyngton'e и, угрожая Уильяму смертью, потребовал, чтобы тот передал в распоряжение его и его товарищей десятерых стрелков названной сотни («ad liberandum sibi et sociis suis decem sagittarios dicti hundredi»); требование его было исполнено, стрелки поступили в распоряжение отряда восставших и получали от него ежедневно по шести пенсов вознаграждения²⁹⁰.

Во главе восстания в *Норфолке* стояли красильщик из Фелмингэма Джофри Листер (Lister), который называл себя королем общинников («qui se Regem communium appellabat») ²⁹¹, и рыцарь (miles, chivaler) Роджер Бэкон из Бэконторпа (Rogerus Basoun de Basounesthorp), который «поднял врагов короля и предводительствовал ими по всему Норфолкскому графству»²⁹².

По словам сент-албанского монаха, руководимая Листером большая толпа инсургентов производила все, что делали восставшие в других местах; одна черта отличала их, по мнению летописца, от остальных инсургентов: они занимались грабежом²⁹³. Как мы могли убедиться, в особенности знакомясь с деятельностью отряда Джона Роу, черта эта не так уж характерна для сподвижников Листера. Общим с инсургентами других местностей было у них и то, что они заставили попавших к ним в руки дворян принести клятву верности их делу и возили их с собой по графству для большей безопасности («pro majori cautela»), как утверждает летописец, сообщая небезынтересные подробности о том, как обращались восставшие с такими невольными союзниками своими. Отряду Листера удалось захватить пятерых дворян-помещиков: de Scales'a, Уильяма de Morle, Джона de Brewes'a, Стефана de Hales'a и Роберта de Salle, не успевших бежать из своих усадеб, подвергшихся нападению вооруженной толпы. Хотели восставшие схватить и графа Суффолкского Уильяма Эффорда (Ufford), чтобы выставить этого магната и пэра королевства своим руководителем и иметь, таким образом, возможность оправдаться, если в том окажется надобность²⁹⁴; но граф вовремя успел скрыться: он узнал о прибытии инсургентов сидя за обедом, быстро выскочил из-за стола и, пробираясь пустынными и непроходимыми местами, прибыл в Сент-Албанс, а оттуда в простом платье и с сумой за плечами, выдавая себя за слугу одного из местных землевладельцев (Роджера de Bois), отправился к королю. Роберт de Salle очень скоро был убит восставшими, получив смертельный удар в голову от своего собственного виллана за то, что публично осуждал их деяния. Остальные рыцари решили притворяться и хвалить то, что восставшие хвалили, и порицать то, что те порицали. За это, — не без иронии замечает летописец, — они попали в милость к Листеру и удостоились быть пожалованными в отведыватели его кушаний и напитков и на коленях служить ему за завтраком²⁹⁵. Впрочем, восставшие хотели извлечь из пленных